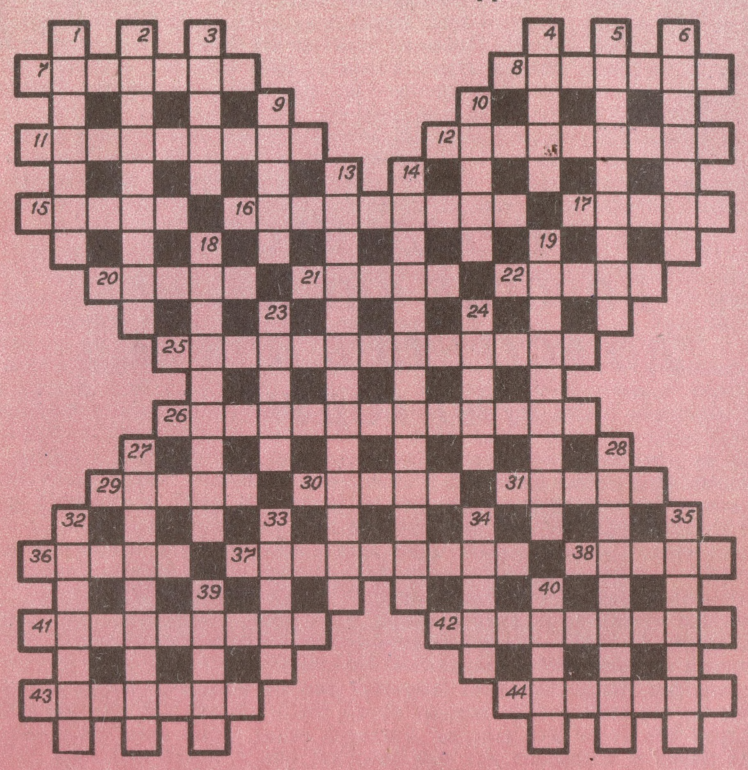
Цена 15 коп.

Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: **7.** Полуостров в Северной Америке. **8.** Минерал, сырье для производства алюминия, соды. **11.** Газетно-журнальный жанр. **12.** Сказка Х.-К. Андерсена. **15.** Английское название хоккея с мячом. **16.** Простейшее одноклеточное животное. **17.** Последовательность и связь описания событий в литературном произведении. **20.** Рассказ В. М. Шукшина. **21.** Знак, обозначающий число. **22.** Южный плод. **25.** Руководящий персонал учреждения, предприятия. **26.** Русский поэт, автор поэмы «Телемахида». **29.** Название некоторых конституционных актов в ряде англоязычных стран. **30.** Старинная золотая монета. **31.** Среднее учебное заведение в ряде стран. **36.** Духовой музыкальный инструмент. **37.** Опера П. И. Чайковского. **38.** Пробел между буквами и словами в типографском наборе. **41.** Раздел математики. **42.** Сводка, список каких-либо данных. **43.** Персонаж романа А. А. Фадеева «Разгром». **44.** Английский физик, создатель учения об электромагнитном поле.

По вертикали: **1.** Русский композитор, автор романса «Соловей». **2.** Группа лиц, избранная для коллегиального ведения собрания. **3.** Курорт, один из районов Сочи. **4.** Рыба семейства карповых. **5.** Решение, принимаемое собранием, съездом. **6.** Американский писатель, автор романа «Джунгли». **9.** Богиня Луны в римской мифологии. **10.** Народный артист СССР, создавший образ В. И. Ленина в фильме «Ленин в Октябре». **13.** Орган местного самоуправления в ряде стран. **14.** Сборник стихов французского поэта Р. Десноса. **18.** Вид почтовой корреспонденции. **19.** Неопределенная форма глагола. **23.** Звездное скопление в созвездии Тельца. **24.** Опера Ш. Гуно. **27.** Птица отряда ракшеобразных. **28.** Официальные спортивные соревнования. **32.** Развернутое высказывание одного лица. **33.** Государственный строй, образ правления. **34.** Пирожное. **35.** Жанр изобразительного искусства. **39.** Пушной зверек. **40.** Река в Эфиопии и Судане.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42.

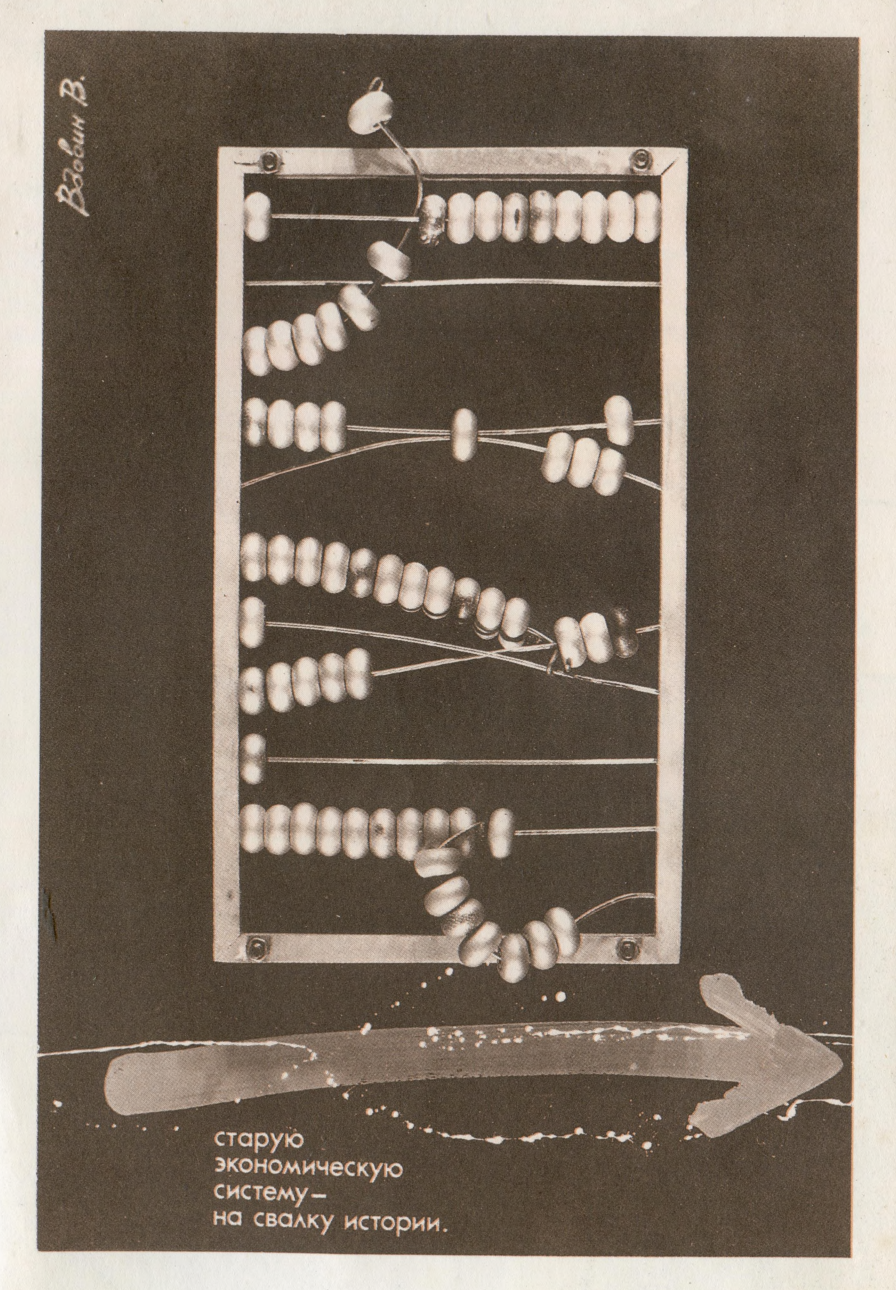
ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

12'90 Общественно – политический ежемесячник

С Новым, 1991 годом!

Плакат В. ВДОВИНА

12 (481) •**90** | **ГОРИЗОНТ**

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 30.10.90. Подписано к печати 14.12.90. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 6,05. Тираж 100 000 экз. Заказ 1278. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий».
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302020800-169}{М172(03)-90}$ Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке и вкладках номера: живопись Ашрафа Гейбатова

«ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ»: ОТ БЛОКА К ДВИЖЕНИЮ

Продолжая публикацию документов общественно-политических течений, организаций, партий, «Горизонт» предлагает вниманию читателей материалы состоявшегося в октябре Учредительного Съезда Движения «Демократическая Россия».

Учитывая, что это событие до сих пор неоднозначно оценивается как прессой, так и общественностью, мы попросили поделиться своими впечатлениями о работе Съезда одного из руководителей его Оргкомитета, народного депутата РСФСР Л. А. ПОНОМАРЕВА.

Еще в период подготовки к выборам народных депутатов РСФСР и местных Советов демократически настроенные кандидаты стремились выявить своих единомышленников и вообще в той или иной форме объединиться. Шел сложный процесс идентификации, завершившийся созданием сначала предвыборного, а затем депутатского блока «Демократическая Россия». Уже в это время обрисовывались различные политические течения внутри самого блока, но на Съезд народных депутатов России мы пришли с одной, главной тогда целью — добиться избрания Б. Н. Ельцина Председателем Верховного Совета. Как известно, это удалось.

Накануне открытия Съезда депутаты-демократы сформировали несколько комиссий, подготовивших проекты важнейших документов, включая и проект Декларации о суверенитете России. Можно сказать, что практически вся идеология работы Съезда была выработана представителями нашего блока. Мы пришли на Съезд более подготовленными, чем оппоненты. Тем не менее «Демократическая Россия» готовилась выступать в качестве оппозиции. Но в ходе работы Съезда и особенно сессий Верховного Совета стало ясно, что при голосовании по основным вопросам нас поддерживает большинство российского парламента. В оппозиции оказались коммунисты.

Если говорить о Движении «Демократическая Россия», то можно выделить его «три источника». Во-первых, Московское объединение избирателей. В июне по его инициативе состоялась встреча представителей клубов избирателей России, на которой и был сформирован Оргкомитет Движения. Во-вторых, одноименный депутатский блок, о котором я уже говорил. Широкую известность получило его Заявление о намерениях. Третьим источником по праву может считаться Ленинградский народный фронт.

В Москве была создана рабочая группа Оргкомитета, на одном из первых заседаний которой было решено созвать Учредительный съезд 20—21 октября, но для нас было важно, чтобы ему предшествовали региональные конференции или собрания. К этому времени во многих автономных республиках, областях соответствующие организационные структуры уже были созданы и конституировали себя как части общероссийского демократического движения, что облегчило нашу работу. Все делегации приехали на Съезд с соответствующими протоколами, подтверждавшими их полномочия. Я хочу подчеркнуть, что весь процесс подготовки Съезда шел снизу.

С самого начала мы договорились, что каждый регион должен иметь гарантированное минимальное число представителей на Съезде — 7 делегатов. Эта цифра повышалась для регионов с, так сказать, повышенной политической температурой. А температура «измерялась» количеством народных депутатов РСФСР, которые голосовали по нашим предложениям. Учитывалось и количество избирателей в регионе. В результате наиболее представительные делегации прислали на Съезд крупные промышленные центры. Например, Москву представляли 119 делегатов.

В Организационном комитете и соответственно на Съезде были представлены все крупные демократические партии и организации — Демплатформа, Демократическая партия России, социал-демократы, Московское объединение избирателей, «Мемориал» и другие. Мы сознательно не пригласили на Съезд малочисленные, но тесно связанные с КПСС центристские организации.

Я очень высоко оцениваю результаты Съезда, считаю, что основные задачи, стоявшие перед ним, удалось решить. Но, конечно, его работа не была лишена серьезных противоречий и острых, порой драматических коллизий. Достаточно сказать, что была предпринята попытка выразить недоверие Организационному комитету и мне лично как заместителю его председателя. Народный депутат СССР С. Белозерцев обвинил меня, ни много ни мало, в сотрудничестве с КГБ, имея в виду встречу группы народных депутатов с Крючковым, на которой обсуждалась возможность передачи известного здания на Лубянке под музей. Увы, я не входил в состав этой группы (о чем, кстати, сожалею), но тем не менее оказался «причастным». Второе обвинение Белозерцева состояло в том, что я постоянно координирую свою работу с А. И. Лукьяновым. Действительно, я встречался с ним накануне поездки в Баку в период происходивших там трагических событий, но может ли это служить основанием для нелепейших подозрений! Я рассказываю об этом лишь для того, чтобы показать довольно нервную атмосферу, в которой проходили заседания, особенно первые.

Огромное количество участников (около 1500 человек) не могло не придать съезду некоторый митинговый оттенок. Скажем, зал встретил бурными аплодисментами речь Белозерцева, а затем, с не меньшим энтузиазмом, выступление Е. Г. Боннэр, которая высказала во многом прямо противоположные суждения. Но в конечном итоге Съезд оказал доверие Оргкомитету. Выборы Координационного совета депутаты сочли несвоевременными. Воздержался Съезд и от принятия какого-либо программного заявления, хотя и в ходе дискуссии, и в итоговых документах достаточно ясно прозвучали основные цели Движения: построение гражданского общества и противостояние монополии КПСС на власть. Был принят Устав Движения «Демократическая Россия». С Уставом, а также некоторыми резолюциями Съезда читатели «Горизонта» имеют возможность познакомиться.

ДЕКЛАРАЦИЯ СЪЕЗДА ДВИЖЕНИЯ «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ»

Политический и экономический кризис в нашей стране достиг предела. Реализация программы «500 дней» под угрозой. Соглашение между Председателем Верховного Совета РСФСР и Президентом сорвано. Используя начинающийся процесс приватизации, партийно-го-

сударственная номенклатура входит в рынок со своим нечестно нажитым имуществом, так что политическая монополия переходит в экономический паразитизм. Нарастает кампания дискредитации демократических сил. Провоцируются трудности с продовольствием. Народ толкают к гражданской войне.

Отечество — перед гибелью! Сегодня решается наша судьба, судьба России.

Спасение возможно только совместными действиями всех демократических сил в рамках общегражданского движения.

«Демократическая Россия» является коалицией, которая — при соблюдении равноправия и самостоятельности ее участников — создается на основе следующих принципов:

1. Приоритет прав и интересов личности над правами и интересами государства, партий, социальных и этнических групп.

2. Реализация права наций на самоопределение при соблюдении прав этнических, религиозных и иных меньшинств, некоренного населения.

3. Создание социальной рыночной экономики путем приватизации.

4. Социальная защита и милосердие как неотъемлемая часть гражданского общества.

5. Идейная и конфессиональная терпимость, борьба с тоталитарными партиями и структурами, претендующими на политическую монополию.

Для воплощения этих принципов мы предлагаем формировать Движение на базе, во-первых, общественных комитетов поддержки Движения «Демократическая Россия», во-вторых, региональных блоков партий, общественных организаций и, в-третьих, депутатских фракций в Советах всех уровней.

Мы призываем к участию в нашем Движении граждан, трудовые коллективы, общественные организации, рабочие и стачечные комитеты, партии.

СОЮЗНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО — В ОТСТАВКУ!

РОССИИ — РЕАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ!

ТОТАЛИТАРИЗМУ — НЕТ!

ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ — ДА!

УСТАВ ДВИЖЕНИЯ «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Движение «Демократическая Россия» (далее — Движение) — массовая общественно-политическая организация добровольно объединившихся партий, общественных организаций и движений, иных объединений и отдельных граждан.

1.2. Задачей Движения является координация демократических сил, противостоящих государственно-политической монополии КПСС, проведение совместных предвыборных кампаний, парламентской деятельности и других конкретных совместных акций в целях создания гражданского общества.

1.3. Каждая составная часть Движения сохраняет за собой право самостоятельно определять собственные стратегию и тактику.

1.4. Нравственной основой деятельности Движения являются ненасилие, уважение к правам и достоинству личности, отрицание тоталитаризма, неприятие расовой, национальной и классовой исключительности.

1.5. Движение осуществляет свою деятельность в соответствии с действующими на территории РСФСР законами.

2. УЧАСТИЕ В ДВИЖЕНИИ. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ УЧАСТНИКОВ

2.1. Заявить о своей поддержке Движения и участвовать в его деятельности могут как отдельные граждане, так и объединения граждан.

2.2. Участником Движения может быть любой гражданин, достигший 16-летнего возраста и признающий Устав Движения.

2.3. Возрастной ценз для членов коллективных участников определяется Уставом данного коллектива или иным заменяющим его документом.

2.4. Оформление индивидуального и коллективного членства в Движении в каждом регионе определяется самостоятельно.

2.5. Граждане, входящие в объединения, являющиеся коллективными участниками Движения, могут по желанию оформить свое участие в нем в индивидуальном порядке.

2.6. Граждане, не являющиеся участниками Движения, но поддерживающие его деятельность, могут участвовать в его работе.

2.7. Участник Движения имеет право:

— добровольного выхода из Движения;

— участвовать во всех мероприятиях Движения;

— участвовать в заседаниях выборных органов, избирать и быть избранным в органы Движения;

— получать любую информацию о деятельности Движения;

— при несогласии с решением выборного органа, собрания в регионе, Съезда Движения действовать самостоятельно в соответствии с Уставом Движения, но с обязательным указанием о том, что он действует не от имени Движения.

2.8. Участник Движения обязан:

— соблюдать требования настоящего Устава;

— не делать заявлений и не совершать действий от имени Движения по вопросам, решение по которым выборным органом, собранием в регионе либо Съездом принято не было;

— при добровольном выходе из Движения уведомить об этом орган, оформивший членство.

2.9. За нарушение положений настоящего Устава участник Движения может быть исключен из рядов по решению собрания в регионе либо Съезда.

3. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ДВИЖЕНИЯ

3.1. Движение организуется на принципах коалиции при соблюдении реального равноправия и независимости всех участников Движения. Эти принципы реализуются на всех уровнях — от регионов до центра.

3.2. В региональные организации могут входить депутатские группы демократической ориентации, соответствующего уровня региональные отделения партий, общественных движений и организаций, иные объединения граждан и индивидуальные члены, признающие Устав Движения.

3.3. Структура, количественный состав и порядок работы региональной организации Движения определяются ею самостоятельно.

3.4. Региональные организации могут объединяться в интересах Движения в одну организацию, структура которой определяется ими самостоятельно.

4. КООРДИНИРУЮЩИЕ ОРГАНЫ ДВИЖЕНИЯ. РАБОЧИЕ КОМИССИИ

4.1. Координируют действия участников Движения Совет представителей (СП) и Координационный совет (КС).

4.2. СП формируется на постоянной основе путем делегирования представителей от коллективных членов, региональных организаций и других составных частей Движения в соответствии с квотами и списком коллективных членов, определяемыми Съездом. Порядок делегирования и отзыва представителей определяется организациями-участниками. В случае присоединения к Движению новых коллективных членов допускается расширение состава СП по его решению, принятому большинством в $^2/_3$ голосов от числа участников Пленума СП.

СП проводит пленумы не реже 1 раза в 4 месяца или по требованию не менее $^1/_3$ членов СП.

4.3. КС избирается на первом после Съезда Пленуме СП по рекомендациям рабочих комиссий Движения. Членство в КС может быть приостановлено по решению не менее $^2/_3$ членов СП.

4.4. Структура и регламент работы КС и СП определяются ими самостоятельно.

4.5. Полномочия СП:

— принятие решений о совместных действиях участников Движения;

— созыв Съезда Движения;

— утверждение бюджета Движения;

— назначение лиц, имеющих право подписи финансовых документов;

— утверждение состава и председателей рабочих комиссий;

— избрание редактора информационного органа Движения.

Полномочия КС определяются СП.

Член Координационного совета, не являющийся членом Совета представителей, может участвовать в его работе с правом совещательного голоса.

4.6. Кворум собраний СП:

— для проведения собрания — 50 процентов+1 человек от списочного состава;

— для принятия решения — 50 процентов+1 голос от числа присутствующих.

4.7. КС обязан давать предварительную информацию во все региональные комитеты о времени, месте и повестке заседаний своих и СП.

4.8. СП для обеспечения деятельности Движения формирует технический секретариат, который содержится за счет средств бюджета Движения.

4.9. Рабочим органом Движения являются рабочие комиссии по основным направлениям деятельности. Они формируются в первую очередь из делегатов Съезда. До $^1/_3$ состава комиссий может формироваться из участников Движения, не являющихся делегатами Съезда.

4.10. Высшим органом Движения является Съезд. Съезд Движения принимает Устав и программные документы Движения, вносит изменения в Устав, формирует рабочие комиссии, избирает главного редактора информационного органа Движения, заслушивает отчеты КС и главного редактора информационного органа.

5. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОРГАН ДВИЖЕНИЯ

Движение имеет свой официальный печатный орган, который публикует все документы съездов, СП и КС. Главный редактор информационного органа избирается Съездом или по его поручению СП Движения.

6. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ИМУЩЕСТВО, ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА ДВИЖЕНИЯ

6.1. Движение в целом и каждый региональный комитет в отдельности имеют статус юридического лица, свое имущество и денежные средства, свой расчетный счет в банке и свою печать.

6.2. Денежные средства Движения и региональных комитетов образуются из целевых членских взносов, определяемых добровольно, пожертвований, издательской деятельности и других поступлений.

6.3. Региональные комитеты осуществляют свою финансовую деятельность самостоятельно.

6.4. Финансовую деятельность Движения контролирует ревизионная комиссия, избираемая на Съезде. Финансовую деятельность региональных комитетов контролируют ревизионные комиссии, избираемые на региональных конференциях.

7. ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВИЖЕНИЯ

7.1. Движение может прекратить свою деятельность после выполнения уставных задач по иным мотивам по решению Съезда Движения.

Резолюция Учредительного Съезда

«О КОРИЧНЕВОЙ ОПАСНОСТИ»

Ввиду того что идеалы казарменного социализма в настоящее время не могут найти какой-либо массовой поддержки у населения, отживающий тоталитарный режим пытается в срочном порядке поменять окраску с красной на коричневую. Отмечается резкий рост числа всевозможных организаций, партий, групп, стоящих на крайне правых позициях.

Некоторые из подобных группировок не брезгуют в своих программных документах пользоваться слово в слово документами гитлеровской партии. Осенью этого года на митингах псевдопатриотических сил распространялась «Майн кампф» Адольфа Гитлера с предисловием, в котором говорилось, что в СССР она может стать настольной книгой по разоблачению власти евреев в СССР.

Основной мишенью этой кампании является демократическое движение в целом, ибо любого демократа наши национал-патриоты относят к евреям или на худой конец к масонам.

Власти в подавляющем большинстве случаев или бездействуют, или стоят за спиной правых. Организация при содействии райкомов КПСС «клубов друзей «Молодой гвардии» и «Нашего современника», высказывания председателя КГБ Крючкова об обществе «Память», который считает его очень полезной и подлинно патриотической организацией, версия о неполитическом характере злодейского убийства священника Александра Меня — все это звенья одной цепи.

Налицо сращивание имперского, великодержавного национализма со сторонниками сталинского социализма и образования новой разновидности национал-социализма. В этих условиях борьба с фашистской опасностью в настоящее время является одним из основных направлений нашей политической деятельности.

Признаться, решиться на эту публикацию редакции было непросто. Хотя известно, что для истории, для полноты ее картины важен каждый факт, каждый документ, но публиковать — сегодня! — Сталина — не чересчур ли!

И все же, рискуя вызвать недовольство читателей, мы печатаем (впервые) часть речи И. Сталина «Об отмене карточной системы», надеясь, что разговор, который она за собой «тянет», своей важностью и актуальностью в какой-то мере нейтрализует упреки.

Публикацию подготовили Анатолий Латышев (руководитель проблемно-исследовательской группы «Сталинизм и современность») и экономист Виктор Бондарев (МВПШ).

И. Сталин

ОБ ОТМЕНЕ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ

Из речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 26 ноября 1934 года*

Товарищи! В чем смысл политики отмены карточной системы? Прежде всего в том, что мы хотим укрепить денежное хозяйство. Мы хотим укрепить денежное хозяйство в советских условиях и вовсю развернуть товарооборот, заменив системой или политикой товарооборота нынешнюю систему или нынешнюю политику механического распределения продуктов, когда считаются не с потребностью района и не с живыми людьми, а с абстрактным человеком. Теперь с потребителем не считаются. Распределили столько-то товаров, столько-то хлеба — бери, не возьмешь — все равно пропадет. Этот принцип надо изменить. Мы уже стали на почву товарооборота, но надо стать обеими ногами, крепко на почву учета потребностей живых людей, на почву приближения к потребителю. У нас сейчас с потребителем не считаются. Дали тебе паек — живи как знаешь, плохо ли, хорошо ли. Этот принцип, который имел свое оправдание, пока у нас не хватало хлеба, сейчас должен быть заменен.

Нам нужно развернуть вовсю товарооборот во всей хозяйственной деятельности, во всей своей сфере через денежное хозяйство. Товарооборот — это не есть просто товарообмен. Нам нужно укрепить денежное хозяйство.

Денежное хозяйство — это один из тех немногих буржуазных аппаратов экономики, который мы, социалисты, должны использовать до дна. Он далеко еще не использован, этот аппарат. Он очень гибкий, он нам нужен, и мы его по-своему повернем, чтобы он лил воду на нашу мельницу, а не на мельницу капитализма. Развернуть товарооборот, развернуть советскую торговлю, укрепить денежное хозяйство — вот основной смысл предпринимаемой нами реформы.

У нас имеется довольно неплохо организованная промышленность, мы можем производить продукты, товары; у нас имеется также довольно неплохо организованное сельское хозяйство, мы можем иметь сельскохозяйственные продукты. Но всего этого мало. Надо установить встречу этих продуктов — обмен между городом и деревней. А обмен между городом и деревней установить при наших условиях без товарооборота, без купли-продажи, немыслимое дело. Есть у нас в партии отдельные «левацкие» элементы, которые думают, что можно с места в карьер, сразу перейти на продуктообмен. Это глупость. Сколько раз пытались сделать это отдельные товарищи и каждый раз лоб расшибали.

Мы находимся сейчас на той стадии, когда смычку промышленности с сельским хозяйством, обмен между городом и деревней товарами, изделиями и продуктами можно производить только через товарооборот. Мы на этой стадии находимся, и мы эту стадию далеко еще не использовали. Только после того, как мы эту стадию используем до дна, можно будет ставить вопрос о продуктообмене. Мы не использовали даже и третьей доли тех возможностей товарооборота через денежное хозяйство, которые он дает для того, чтобы производимое промышленностью и производимое сельским хозяйством не пропадало втуне, а доходило до потребителя. Товарооборот — это необходимое связующее звено между продуктами промышленности и продуктами сельского хозяйства. Вот та стадия, на которой мы находимся, на которой должны развертывать товарооборот, если мы хотим действительно двинуть вперед наше хозяйство, я имею в виду все народное хозяйство.

Отмена карточной системы в области хлебных продуктов, крупы — очевидно, то же самое мы сделаем по картофелю, по сахару и по мануфактуре,— означает, что по части смычки, товарной смычки, между городом и деревней, механическому, слепому, канцелярскому распределению, пайковому распределению продуктов кладется конец. Вкусы, потребности, пожелания отдельных районов, отдельных потребителей должны учитываться нашими торгующими организациями как в смысле получения известного количества товаров, так и особенно в отношении качества этих товаров. Это значит, что торговые организации имеют дело не с абстрактным потребителем, а с конкретным, в зависимости от района, от области, от отрасли промышленности, от отрасли торговли. Только после того, как наши торговые организации научатся учитывать все и всяческие специфические особенности каждого района и каждой области и наладят богатейшую товаропроводящую сеть,— только после этого можно будет попытаться поставить вопрос о переходе от товарооборота к продуктообмену без денег. Пока мы этого не сделали, пока и третьей доли этого товарооборота не использовали, говорить об уничтожении денежного хозяйства, о замене товарооборота продуктообменом — значит говорить глупости, вещи абсолютно антиленинские, антимарксистские, ничего общего с марксизмом не имеющие.

Так вот, именно для разворота товарооборота, для укрепления денежного хозяйства в наших советских условиях, при торговле без капиталистов и без спекулянтов, именно для этого, прежде всего и главным образом, проводится отмена карточной системы. Карточная система подрывает основы товарооборота, торговлю заменяет простым распределением, не считается с ценами на рынке, абсолютно не считается. Она вверх дном переворачивает все возможности товарооборота и, таким образом, мешает нам установить нормальную, живую, органическую связь между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, между городскими изделиями и сельскохозяйственными продуктами.

* Публикуется впервые по 14-му, подготовленному, но не вышедшему в свет тому сочинений И. Сталина.

Может показаться странным, что социалисты, ставшие у власти, организовавшие уже социалистическую промышленность, организовавшие социалистическое хозяйство, имеющие такие производственные возможности, хватаются за старый инструмент буржуазии — товарооборот. Но ничего странного в этом нет. Не один и не два инструмента буржуазии, буржуазной экономики мы использовали. И этот инструмент, наиболее живучий в денежном хозяйстве, мы используем вовсю, если у нас не будет всяких карточных систем. В этом теперь гвоздь вопроса.

Так вот, повторяю, в целях дальнейшего развертывания товарооборота, дающего связь между городом и деревней, торговую связь, и в целях укрепления денежного хозяйства в наших условиях, так как товарооборот без денег немыслим, мы прежде всего и уничтожаем карточную систему по хлебу, по этому основному товару, потому что хлеб тянет за собой все остальное. Именно с этого звена надо начать.

Вот первое и основное значение этой реформы.

Во-вторых, значение реформы, которую мы проводим, в том, чтобы поставить на реальную базу, на настоящую реальную базу политику снижения цен по всем товарам и по всем продуктам. У нас ведь как теперь? Каждая торгующая организация старается сделать накидку везде. Ежели трудное дело, то все хотят решить его тем, чтобы повысить цены. Вот этому хаосу, скорее всей этой вакханалии в политике цен, должен быть положен конец. Смысл реформы состоит в том, что мы начинаем ставить на реальную базу политику снижения цен по всем товарам и по всем продуктам. Сама эта реформа снижает цену на хлеб. Вот тут т. Разумов выступал и говорил о ценах пайковых. Да разве это цена, т. Разумов? У нас паек на черный хлеб года полтора назад стоил в Москве 12 копеек килограмм. А цена на рынке во много раз стояла выше. Рыночные цены ни в какой мере не считаются с ценами пайковыми, потому что это, собственно говоря, не цена, а дар от государства рабочему классу. Это социальный, классовый паек для рабочего класса. Пайковая цена — это привесок, а в собственно экономическом смысле это не цена на хлеб, поэтому рынок с ней не считается. Впоследствии мы подняли пайковую цену на килограмм черного хлеба сначала до 25 копеек, потом до 50 копеек. По коммерческой цене его продавали по 2 рубля. А с чем считался рынок (крестьяне, которые вывозят хлеб), с пайковой ценой? Конечно, нет. Они ориентировались на рынок, на коммерческую цену,— немного выше коммерческой, немного ниже, но цена на хлеб вращалась вокруг коммерческой цены. Если хотите знать, что такое цена на хлеб, то справьтесь на рынке и в коммерческих магазинах. Вот вам цена. Что касается пайковой цены — это не цена, и с ней никто не считается. Никто. И если коммерческая цена на хлеб у нас два рубля и полтора рубля, а мы ее теперь, эту цену, снижаем до 90 коп., до 1 р. 10 коп. и т. д.— и только на Дальнем Востоке, где собственного хлеба нет, он завозится, там из-за транспортных условий цена будет 1 р. 30 коп.— 1 р. 50 коп.,— это значит, что мы начинаем настоящую, реальную политику снижения цен на хлеб. Мы начинаем снижение цен с хлеба потому, что цены на хлеб складываются на рынке, и рынок не считается с той пайковой ценой, которая не была собственно ценой, а представляла собою нашу классовую политику по отношению к рабочему классу. Брали дешево хлеб, продавали дешево, по существу не продавали, а дарили. Так надо понимать.

Значит, смысл реформы состоит в том, что мы начинаем действительную, реальную политику снижения цен с хлеба. В дальнейшем пойдет у нас последующее снижение цен и на хлеб, и на все другие товары. Вот увидите, с января месяца начнется у нас торговля хлебом без пайков и цена на рынке на хлеб упадет. Как теперь крестьянин хлеб продает и как тогда будет продавать — сличите. Обязательно пойдет снижение цен на хлеб на рынке, крестьянин в первую очередь снизит. Стало быть, мы организуем действительную и реальную политику снижения цен, начиная с хлеба, и дальше эта политика у нас должна пойти по всей линии. Старой вакханалии прыжков по линии цен у нас больше не должно быть. Реформа представляет подведение базы под политику снижения цен, начиная с хлеба и затем на все остальные продукты.

Это нам очень важно и с точки зрения животноводства, с точки зрения разрешения мясной проблемы. Крестьяне только тогда начнут заниматься животноводством, когда цены на хлеб упадут, когда они поймут, что лучше зерно провести через скот и продавать мясо, чем продавать хлеб. Только после снижения цен, только после падения цен на хлеб, только после этого развернется как следует само производство хлеба и начнется переход от продажи хлеба к продаже мяса, т. е. начнется расходование хлеба на кормежку скота, настоящую кормежку скота. Так что политика снижения цен на хлеб рикошетом дает и тот благой результат, что у нас закладывается реальная база для развертывания животноводства, потому что зерно пойдет также и на развитие животноводства.

В-третьих, смысл реформы состоит в том, что подсекаются возможности спекуляции хлебом. Когда имеются в жизни две или три цены на хлеб — спекуляция абсолютно неизбежна. Политика цен очень интересная штука, у нас мало занимаются этим делом. Когда мы продавали МТС керосин по 10 коп. килограмм, а крестьянину через кооперацию по 70 коп., то, конечно, работники МТС спекулировали: покупая керосин по 10 коп., продавали по 70. После того как мы установили на керосин одну цену, спекуляция керосином была подорвана. То же самое и здесь. Если коммерческая цена на хлеб 1 р. 50 коп., а рабочий платит за килограмм по 50 коп., то, конечно, он часть хлеба продает. Если за рубль продаст, то 50 коп. выигрывает. И это делают рабочие. Я их не виню, потому что сама система двух-трех цен такова, что самый честный человек должен продавать хлеб и на этом оборачиваться. Вот до чего гнилой стала карточная система. Возьмите Ленинград, где передовые рабочие, это вы знаете по опыту; там продается коммерческого хлеба раз в десять меньше, чем продавалось раньше, продается хлеба меньше, чем в Харькове, хотя население вдвое больше. В чем дело? Рабочие конкурируют с государством: пайковый хлеб продают много дешевле, чем государство, и в коммерческом хлебе нет уже такой нужды. И это — везде, и в Москве, и в других крупных городах. Мелкую спекуляцию оживляет эта система, мелкая спекуляция создает богатую почву для мелкого и вообще всякого воровства, создает почву для всякой спекуляции, и для крупной, и для мелкой: раз я тут дешевле покупаю хлеб, а там продаю дороже,— я на этом наживаюсь. Отмена карточек означает установление одной цены на хлеб в пределах такой-то зоны. Двух или трех цен на тот же сорт хлеба не будет в пределах данной зоны.

В пределах каждой зоны цена на хлеб такого-то сорта устанавливается одна и та же, единая цена. Тут спекуляция затруднена. Вот в чем еще смысл этой реформы — затруднить спекуляцию, и не толкать честных людей из рабочих на спекуляцию.

Вот три основных момента хозяйственного порядка, на которые я

хотел указать потому, что, по-видимому, не все товарищи ясно представляют, для чего мы уничтожаем карточную систему.

Как это отразится на состоянии наших торговых организаций? Ясно, что наши торговые организации должны будут почиститься. Нельзя так вести дело, как до сего времени велось оно: установили тебе паек — хочешь бери, хочешь не бери, а не возьмешь — потеряешь.

По-новому придется ставить вопрос и о качестве хлеба,— чтобы он был свежий, чтобы его утром приносили. Протестов будет много и все что угодно, и мы будем «чесать» все торговые организации, если они не откажутся от операций с абстрактным потребителем, если они не будут считаться с живым человеком, который уже за деньги будет покупать хлеб, за настоящую цену.

Так что деньги пойдут в ход, пойдет мода на деньги, чего не было у нас давно, и денежное хозяйство укрепится. Курс рубля станет более прочный, бесспорно, а укрепить рубль — значит укрепить все наше планирование и хозрасчет. Никакой хозрасчет немыслим без сколько-нибудь стойкого курса рубля. Ничего абсолютного на свете не бывает, я не говорю об абсолютной стойкости курса рубля, но некоторый более или менее устойчивый курс рубля должен быть, если хотите, чтобы у нас был хозяйственный расчет, если хотите, чтобы наше планирование было не канцелярским, а реальным. Это даст громадный плюс, и это четвертое, что мы получаем от реформы. Это громадный хозяйственный плюс, результат которого невозможно исчислить, плюс для всего нашего хозяйства, для всего нашего планирования, для организации промышленности и сельского хозяйства, для всего.

И пятый плюс — то, что наши организации почистятся, поаккуратнее начнут работать и начнут, наконец, уважать потребителя, признавать в нем человека,— это тоже большой плюс. Пока не научатся торговые организации уважать в нашем потребителе человека, того рабочего и крестьянина, о ком они болтают очень много, никакой базы у нас для продуктообмена не будет.

Некоторые работники из Госбанка толкуют о том, что от такой реформы мы выиграем в деньгах. По-моему, это чеверно, это чепуха. Неверно, будто бы мы получим два или даже три миллиарда. Наркомфин высчитывает, люди думают, что рабочие будут покупать столько же хлеба, сколько покупали пайкового. Это неверно. Пайковый хлеб делал то, что рабочие и служащие набирали родственников, приписывали их карточки и половину хлеба продавали. Теперь двух цен не будет. Набирать им родственников незачем. Теперь на деньги надо покупать. Они экономнее будут расходовать деньги и купят меньше.

Если взять промышленные пункты — Москву, Ленинград, Харьков, Киев, Баку и т. д., где имеются действительно более или менее квалифицированные рабочие,— люди со вкусом, которые умеют жить, зарабатывают как следует, они будут меньше хлеба покупать, потому что теперь нужно считать на деньги, не то что раньше, когда даром покупали. Стало быть, на этом мы проигрываем. Цена на хлеб повышается с точки зрения пайковой цены. Но, во-первых, мы это возмещаем, хотя не полностью,— возмещаем минимум на $^3/_4$, во-вторых, рабочие станут покупать меньше хлеба, значит, минус у нас. А наши банковики считают, что рабочий столько же будет покупать. Неверно это. Он будет покупать меньше.

Кто будет больше покупать? Те рабочие и служащие, которые в провинции живут, которые не 800 граммов хлеба получали, а меньше и прикупали коммерческий хлеб. Они-то и выигрывают, ибо платили полтора рубля, а теперь будут платить один рубль или 90 копеек. Они будут покупать больше, но по цене меньшей, чем за коммерческий хлеб. Эти люди жили коммерческим хлебом. Теперь они, может быть, вдвое больше будут хлеба брать, но по низкой цене, по рублю или по 90 копеек. Опять минус у нас получается.

Я уже не говорю о том, что нам приходится возмещать производителей технических культур.

Что мы тут выигрываем, сколько проигрываем? Вообще здесь ничего нельзя рассчитывать заранее, так что гадать насчет того, что эта реформа даст нам плюс денежный, это значит, по-моему, писать вилами на воде.

С Молотовым мы тоже рассуждали по этому поводу. Его снабдили всякими материалами насчет того, что мы выигрываем, но когда рассмотрели материалы, то выходит чепуха.

Какие изменения произойдут на рынке, что произойдет с покупателями, как они будут покупать, сколько они будут покупать — сейчас трудно сказать. Одно ясно, что провинциальный потребитель, который на коммерческом хлебе оборачивался, будет больше покупать. Может быть, будет денежная выгода государству от реформы, но скорей всего не будет выгоды. Тут гадать нельзя.

А теперь о тех областях, которые отстали по части хлебопечения. Вот Урал, Ивановская область, еще кое-где поотстали. Это очень плохо, товарищи. Надо наверстать это дело. Тов. Кабаков тут доклад читал, что того ему не дают, другого, третьего. У нас вообще ничего не дается, тов. Кабаков, а берется, надо уметь брать. А тем более вы на Урале. Ведь с вашими возможностями построить среднего типа хлебозаводы, хлебопекарни — чепуха это. Уралмашзавод построили, видите ли, а не могут организовать хлебопечение. Это значит — очень мало заботы на Урале о рабочем.

Вообще должен сказать, за что ни возьмешься на Урале, все говорит о том, что там нет никакой заботы о быте рабочего, ну прямо удивляешься, как там люди живут? Сколько грязи! Быт какой ужасный, средневековый. Тов. Кабаков, так жить нельзя. Если бы вы хотели, при тех возможностях, которые дает уральская промышленность, у вас было бы гораздо больше хлебопекарен и хлебозаводов, чем в Москве, у которой было меньше возможностей. (Аплодисменты.)

Анатолий Латышев,
Виктор Бондарев

«ХЛЕБ ТЯНЕТ ЗА СОБОЙ ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ...»

С той самой отмены карточек прошло полвека, относимых к разным эпохам, и еще 5 лет перестройки. Как сегодня видится речь И. Сталина?

Уже полгода страна в тревоге: повысятся ли цены на хлеб, мясо, молоко, а затем и на все остальное? А может, не допустим? А может, не надо? Может, лучше, как давно предлагают, ввести карточки и — всем поровну, по справедливым ценам? Многие с тоской вспоминают застойные годы, когда на прилавках худо-бедно, но что-то было. А мно-

гие из старшего поколения и вовсе умиляются: при Сталине каждый год снижали цены. Публикуемый документ позволяет обратиться к той эпохе, когда карточки были жестокой реальностью каждого дня.

В речи Сталина подробно говорится лишь о карточках на хлеб. Это одна из форм, как теперь пишут, рационирования, хотя за последние годы мы «освоили» торговлю по паспортам и визиткам, приглашениям и талонам... Да и распределение ресурсов — металла, угля и т. д.— тоже ведется на основе фондов, лимитов, то есть по карточкам. Живучи!

Для начала сравним нас с заграницей. У них тоже бывают карточки, нормированное распределение — во время войн и некоторый период после. Бывают в истории чрезвычайные периоды, когда без жесткой централизации ресурсов и строгого контроля за потреблением не обойтись. Из этого сопоставления можно сделать вывод, что вся советская история — это история чрезвычайного положения народа, история осадного положения, в котором он живет, обороняясь от врагов внешних и внутренних, настоящих и выдуманных.

Однако такой констатации недостаточно, поскольку здесь не вскрываются причины явления. А они однозначны. Как известно, социализм начертал на своих знаменах социальную справедливость, научное управление обществом как единым целым. Таким образом, уже из определения социализма вытекает необходимость расчета всех ресурсов и их распределения. Не обмена, который, как считали основоположники марксизма, ведет к недостаточной эффективности, к расточительству, кризисам, а именно распределения. Марксизм утверждает примат производства над обменом. Это далеко не бесспорный тезис. Даже наоборот, известные успехи рыночной экономики подтверждают противоположное. Что такое рынок — это прежде всего обмен. Что такое любая коммуникация — это тоже обмен информацией и ресурсами. Есть достаточно много оснований для утверждения, что именно обмен как форма взаимодействия людей играет ведущую роль в социальной жизни. Обмен — основа любого разделения труда, любой совместной деятельности людей, которая управляется не насилием.

Все, что связано с обменом, средствами обмена — прежде всего деньги, а следовательно, и товарная форма продукта,— подлежало в конце концов, согласно основателям марксизма, искоренению. Отсюда и идея упразднения торговли, замена ее всеобщей потребительской кооперацией, поскольку неправедный обмен между массами, отдельными людьми считался тем конкретным механизмом, посредством которого в обществе укоренялась социальная несправедливость, паразитизм и эксплуатация. Следует признать, что предложения классиков в этой части стройны и логичны.

Уже в 1918 году модель Маркса и Энгельса стала насильственно внедряться в жизнь в «первой стране социализма». Последовавший развал экономики был следствием не столько гражданской войны, сколько политики «военного коммунизма». Оказалось, что распределить все равномерно очень трудно. Во-первых, чтобы распределить разумно, естественно с учетом каких-то критериев, сначала надо отобрать — экспроприировать — у всех производителей все, что планируется. Затем распределить. Это вытекает из упразднения обмена. Государство в этом случае становится единственной инстанцией, распоряжающейся всем. Иначе быть не может. Поскольку, если людям что-нибудь оставить, они начнут обмениваться, следуя не общей пользе, а своей корысти.

Неудивительно, что со стороны экспроприируемых такие акции вызвали противодействие.

Во-вторых, поскольку для жизни, даже самой бедной, нужны различные продукты и услуги, постольку нужен большой чиновничий аппарат для их учета, нормирования и распределения. К тому же необходим и дополнительный аппарат для контроля, так как распределяющих чиновников подкупают или они сами используют то, что распределяют, для собственного обогащения.

В-третьих, это очень важно, из жизни общества исчезает экономический интерес, ибо эффективность труда больше не связывается с его стимулированием.

В-четвертых, в обществе уничтожается целый класс людей, предпринимателей, который на свой страх и риск занимается организацией и перестройкой производства, поиском способов приложения финансовых ресурсов к производству. На их место приходит большая группа чиновников, пытающаяся делать то же самое в условиях отсутствия свободных ресурсов на рынке и не несущая за результаты своей деятельности никакой экономической ответственности.

Годы «военного коммунизма» дали однозначный ответ на вопрос об эффективности бестоварной, безденежной карточной системы.

Нэп ознаменовал частичную реставрацию и реабилитацию обмена как необходимой социальной функции. Развитие товарно-денежных отношений плохо совмещается с карточной системой. Введение элементов рыночного хозяйства, финансовая реформа, давшая знаменитый червонец, позволили достичь впечатляющих успехов. В то же время рыночные отношения развивались неравномерно. Большинство лидеров правящей партии прекрасно понимали, что появление частного капитала, крепких крестьянских хозяйств потенциально опасно для власти, провозгласившей своей целью построение бесклассового общества.

В своей речи на X съезде партии 8 марта 1921 года, в самый разгар кронштадтского восстания, Ленин, уже решив пойти на нэп, все еще предупреждает соратников, как опасно уступать требованиям кронштадтцев (да и рабочих Петрограда): «Свобода торговли, даже если она вначале не так связана с белогвардейцами, как был связан Кронштадт, все-таки неминуемо приведет к этой белогвардейщине, к победе капитала, к полной реставрации. И, повторяю, эту политическую опасность мы должны сознавать ясно». Не правда ли, многие и сегодня думают так же? Кстати, этот абзац, существовавший в стенограммах съезда, изданных в 1933 году, затем был изъят из собраний сочинений Ленина.

Уже в 20-е годы складывается административная система управления промышленностью. Сегодня зачастую идеализируют нэп, особенно в промышленности. Синдикаты и тресты, работавшие под руководством государственных органов, не стали тогда действительно экономическими организациями. А предприятие — основным звеном промышленности, где должен развиваться хозрасчет.

Да и сам хозрасчет был «не тот». В беседе с экономистами 15 февраля 1952 года Сталин подчеркнет: «Наш хозрасчет — не тот хозрасчет, который действует на капиталистических предприятиях. Хозрасчет при капитализме действует так, что нерентабельные предприятия закрываются. Наши предприятия могут быть очень рентабельными, могут быть и совсем нерентабельными. Но последние у нас не закрываются. Они получают дотации за счет бюджета. Хозрасчет у нас для учета, для калькуляции, для баланса. Хозрасчет применяется для контроля хозяйственных руководителей. Средства производства у нас фигурируют как товар формально. К области товарооборота относятся у нас предметы потребления, а не средства производства».

«Сфера действия закона стоимости,— подчеркивал «великий политэконом»,— у нас ограничена... Главное — у нас отпала частная собственность, а рабочая сила не является товаром».

Сталин прекрасно понимал, что созданный им казарменный социализм будет разрушен лишь при развитии частной собственности и превращений рабочей силы в товар. Этого, к сожалению, не понимают многие сегодняшние наши руководители.

Новая экономическая политика развивалась трудно. Уже в 1925—1926 годах в стране стала ощущаться острая нехватка промышленных товаров для села. В дальнейшем обстановка еще более обострилась. Знаменитый червонец был настоящей валютой всего 2—3 года, затем курс его начал снижаться. Крестьяне стали придерживать хлеб, и государственные закупки сокращались. В этих условиях было два пути: 1) дальнейшее углубление рыночных отношений, прежде всего обмена, то есть отказ государства от командования промышленностью, приведение экономических отношений в промышленности в соответствие с теми, которые сложились в аграрном секторе; 2) распространение административно-командной системы на все народное хозяйство. Поскольку аграрный сектор в экономике преобладал, по сути дела, встал вопрос и о соотношении базиса и надстройки. Базис, рыночные отношения в сельском хозяйстве, и надстройка, диктатура пролетариата (или, точнее, партии), вступили в конфликт. Если бы победу одержали «рыночники», то тогда, по-видимому, перестройка началась бы в конце 20-х годов. Опыт перестройки 80-х показывает, что развитие рыночных отношений непосредственно связано с политической системой, политическим плюрализмом, отказом от диктатуры одной партии.

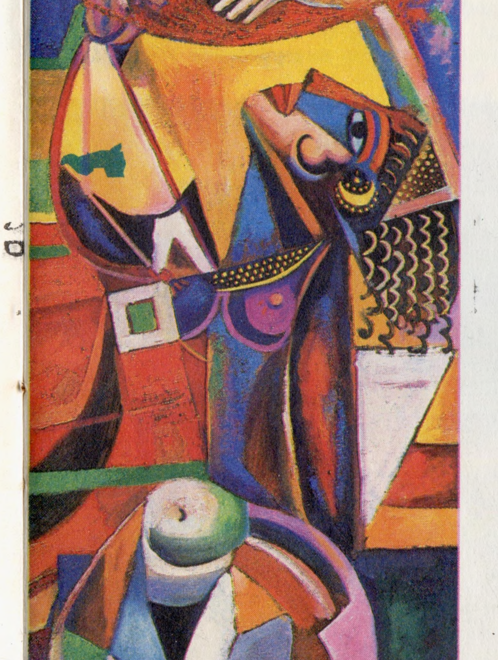
Нетрудно представить, как могли воспринять большевики и поддерживающие их слои населения подобную перспективу в 20-е годы. Она воспринималась бы как отказ от завоеваний революции, отказ от строительства нового общества. Это сегодня демократический социализм, парламентаризм, плюрализм собственности большинством воспринимается с симпатией. И то не всеми. Что же говорить о ситуации 20-х годов, когда, с одной стороны, пролились потоки крови, своей и чужой, была почти религиозная вера в близость коммунистического рая на земле, а с другой стороны, быстро плодились льготы и привилегии для новой элиты — на сей раз «революционной». Ведь экономическое возрождение деревни в крестьянской стране обязательно привело бы к обострению вопроса о власти. Противоречие должно было как-то разрешиться. И оно разрешилось: базис был приведен в соответствие с надстройкой и фактически перестал существовать, иными словами, экономические отношения были упразднены и заменены репрессивно-командной системой и мифологизированной идеологией.

Предпринятая в годы первой пятилетки кавалерийская атака на крестьянина нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству и всей стране. Резкое падение производства, массовый голод, геноцид против крестьянства привели к введению карточной системы в городах. Фактически опять был повторен опыт продразверстки с тем же плачевным экономическим результатом, однако с «блестящим политическим эффектом». Всего за несколько лет удалось уничтожить самый многочисленный класс государства. Уничтожение это было в своей массе не только социальное, но и физическое. Причем «победа» была достигнута с ничтожными жертвами со стороны «победителей», если учитывать масштабы и грандиозность преобразований. Только в Средней Азии насильственной коллективизации было оказано серьезное сопротивление. Не вдаваясь в причины столь «великой победы», в которую не верил даже

АШРАФ ГЕЙБАТОВ

Праздник весны

Танцовщица

«КРАСОТА СПАСЕТ МИР...»

Эти слова Ф. М. Достоевского для меня незабываемы. В нашем обществе накопилось уже много зла, жестокости, насилия, но одновременно возрождаются, крепнут и растут силы добра, гуманизма. Противостояние добра и зла — на эту вечную тему я пытаюсь ответить доступным мне средством — живописью.

Я родился и вырос на азербайджанской земле, но считаю себя гражданином мира. Известно, что научить рисовать можно каждого, то есть каждый может овладеть навыками изображения натуры. Но чтобы быть настоящим художником, надо им родиться, иметь особый дар видения окружающего мира, иметь фантазию, воображение.

Преклоняюсь перед старыми мастерами, которые, словно летописцы, донесли до нас образы прошедших эпох: строгие лица, полные достоинства, на портретах английских художников, трогательные русские пейзажи, сочные фламандские натюрморты... Трудно сказать, какому жанру, какой школе я отдаю предпочтение.

Однажды у Марка Шагала спросили: «Какая должна быть живопись!» Он ответил: «Свежая». Каждый раз, начиная новую работу, я стараюсь не повторить прием, найденный в предыдущем холсте. Никаких эскизов не делаю. Тема долго вынашивается, постепенно в голове складывается цветовое решение, композиция, рисунок. И в один прекрасный день (этот день для меня всегда праздничный) я начинаю писать...

Работаю быстро, боясь упустить самое главное, как мне кажется,— состояние души... Незаметно в сюжеты моих картин пришли жизнеутверждающие темы: тема любви, тема радости, тема музыки.

Музыканты

Возвращение

Л. Троцкий, пророчивший крах коллективизации, надо признать, что этот вариант развития событий был предопределен логикой организации хозяйственной деятельности в обществе, где ликвидируется обмен, а следовательно, сводится к минимуму роль денег, товаров и собственности.

В то же время опыт коллективизации подтвердил пагубность полного уничтожения обмена, катастрофические последствия полного игнорирования экономических интересов. Карточная система хотя и способствовала выживанию, но была, очевидно, неэффективна. Сталин говорит на эту тему однозначно: «Карточная система подрывает основы товарооборота...» Здесь следует отметить, что, будь «великий вождь» первой страны социализма так же образован, как вожди красных кхмеров, учившиеся в Сорбонне,— последствия для страны могли быть не менее трагичны, чем полвека спустя в Камбодже. Ведь именно в Камбодже надлежащие выводы были сделаны с железной логикой и последовательностью. Устранив все различия между городом и деревней, трудом умственным и физическим, полностью ликвидировав обмен, красным кхмерам пришлось уничтожить и бóльшую часть своего народа. Конечно, основоположникам марксизма и в страшном сне не могло присниться, к какому морю крови приведет до предела последовательное претворение в жизнь их идей в неразвитом обществе.

Надо сказать, что Сталин не был столь же «твердокаменным марксистом», как Пол Пот и Иенг Сари, и внес свой вклад в ревизию марксизма. Несмотря на однозначные теоретические положения Маркса и Энгельса (следует признать — разрабатывавшиеся совершенно для других условий жизни общества), Сталин даже частично «реабилитировал» закон стоимости, который есть не что иное, как обозначение необходимости рынка, то есть каких-то форм обмена. В то же время опыт нэпа показал, что за определенными пределами рыночные отношения угрожают охватить всю систему. Дальнейшее развитие шло по пути поиска компромисса между объективной необходимостью развития рыночной экономики и столь же объективной невозможностью внедрения ее в полном размере.

Компромисс был найден на основе разделения сферы обмена на три части: 1) для народа; 2) для элиты; 3) для производства.

Развитие товарно-денежных отношений в сфере потребления дало возможность наряду с репрессивными и идеологическими методами использовать и определенные элементы рыночных отношений. Хотя трудно говорить о прямой связи результатов труда в сельском хозяйстве и его оплатой в сталинский период, но и здесь не везде работали за «палочки». В промышленности и других отраслях, кроме, естественно, концентрационных лагерей, также существовала связь между трудом и материальным поощрением. Хоть и в чрезвычайно деформированной форме, и при наличии жестких ограничений, трудящийся обменивал свой труд на насущные блага. При всей масштабности репрессий и степени энтузиазма основная часть населения в своей жизни руководствовалась все-таки принципом «по труду».

Беседуя с экономистами в январе 1941 года, Сталин напоминал: «Вспомните, были теории «коммуны на предприятиях», коллективная зарплата. При помощи таких теорий не поднимешь производства, надо зацепить человека за личные интересы. Для этого — премиальная система для руководителей, сдельная для рядовых».

Отмена карточной системы в 1935 году не изменила сути тоталитарной системы. Надо сказать, что для большинства людей это изменение означало переход от полуголодного к относительно сытому существ-

вованию. В первые дни свободной продажи хлеба стояли огромные очереди, люди не верили, что сытость наступила надолго. Для многих действительно период сытости был непродолжителен, их ждали тюрьмы и лагеря. Впрочем, на фоне предшествовавших катаклизмов в памяти остальных конец 30-х годов остался светлым временем энтузиазма и побед, нарастающей сытости.

Однако для укрепления государства, с точки зрения его управителя, этого было недостаточно. Часть общества, выполнявшая наиболее нужные для государства функции, стимулировалась дополнительно через спецсистемы. Сюда входили не только представители аппарата, репрессивных органов, но и высококвалифицированные специалисты, творческая элита, служившая режиму. С нравственных позиций, на фоне сегодняшней пропаганды всеобщей справедливости, это, конечно, заслуживает осуждения. Но с учетом тысячелетней традиции существования государства как формы организации социальной жизни такой подход нормально вписывался в общую логику развития. Государство не может существовать без правящей элиты, которую оно и поддерживает всяческими способами. Кроме того, здесь развивается и определенная система, хотя и извращенная с точки зрения современных представлений,— система материального поощрения элиты.

В меньшей степени обмен развивался в основной социальной сфере — в сфере производства. Здесь господствовали и продолжают господствовать механизмы распределения. Хотя формально предприятия и организации закупают друг у друга ресурсы и продукты, но не требует особых доказательств имеющая место подчиненность этих отношений административному распределению и перераспределению. Отказ от распределения ресурсов в сфере производства очень труден и в условиях административно-командной системы практически невозможен. А если здесь господствует карточная система, то и вся социальная система в конечном итоге, несмотря на наличие магазинов и торговли, остается по преимуществу распределительной системой. Опыт перестройки показывает, что все попытки перехода на торговлю ресурсами блокируются системой в целом. Там же, где ослабевает контроль, как это ни парадоксально, разрушается единственная сфера, в которой обмен существует,— сфера личного потребления.

В развитой административно-командной системе все взаимосвязано и взаимообусловлено. Нарушение сложившихся связей в одной сфере неминуемо ведет к деструктивным изменениям в другой. Особенно наглядно это демонстрируют экономические новации перестройки. Стоило дать какие-то права, хотя и небольшие, предприятиям, допустить какие-то формы обмена между ними, как вся система зашаталась и, того гляди, рухнет. Поскольку же при кризисных ситуациях всегда вспоминают карточки, то опять возникает парадокс: путь к рынку начинается через расширение карточной системы в современных формах — талоны, визитки. На очереди уже стоит и полнокровная, точнее малокровная, карточная система.

И здесь имеет смысл опять вернуться к речи «основателя политической экономии социализма», «корифея всех наук». Давайте все-таки поверим ему, что карточная система — это тупик, и пойдем дальше — отменим карточную систему в производстве. Только тогда на основе рыночных отношений можно ожидать упразднения карточек во всех видах. То, что рынок является основой нормальной экономики, это сегодня уже мало кто оспаривает. Но попытки решать проблемы переходного периода на основе карточной системы все еще пользуются кредитом доверия в обществе. Наш народ неоднократно уже испытывал на

себе все ее недостатки и преимущества. Представляется, что аргументы творца сталинизма заслуживают большего уважения. Поэтому нужно искать новые пути.

Талоны, заполонившие страну, не решают проблемы. Эти псевдокарточки ведут к нерациональному распределению, воровству, коррупции. Опять же читайте Сталина, он приводит со свойственной ему четкостью примеры, раскрывающие механизм подобных извращений. Наверное, не стоит забывать уроки прошлого и учиться на собственных ошибках (мягко говоря). Если нет войны, то карточки представляют собой инструмент консервации кризисной ситуации, в крайнем случае ограниченной стабилизации, но не путь серьезных преобразований. Если часть товаров будет реализовываться по карточкам и по государственным ценам, то это будет неумолимо вести к спекуляции, воровству и коррупции и безудержному росту рыночных цен.

Сталин подчеркивал накануне войны: «Чтобы диктовать цены на рынке, нужны огромные резервы. Это нам не всегда удается».

Новая правительственная политика перехода к рыночной экономике предлагает вместо карточек системы денежных компенсаций. Таким путем шел и ряд восточноевропейских стран. Подобный подход соответствует логике развертывания рыночных отношений, хотя и будет стимулировать инфляцию. В то же время денежные выплаты определенным группам населения, которых по-научному называют маргиналами, а раньше назвали бы люмпен-пролетариатом, во многих случаях в конце концов отрицательно повлияют на уровень жизни этого слоя.

Сегодня мы признали, что у нас есть миллионы обездоленных, среди которых и многодетные семьи с родителями-алкоголиками. На что пойдут государственные выплаты? Думаем, нередки будут случаи, когда они будут или пропиваться, расходоваться не на детей, а, скажем, на покупку модной одежды. Таким образом, от повышения цен пострадают, например, не повинные в грехах системы дети. Введение вместо карточной системы доплат и компенсаций потребует и ряда других мер, сочетающих предоставление ряда продуктов и услуг в натуральной форме с целевым их финансированием. Здесь может идти речь о бесплатном питании, которое, однако, должно оплачиваться государственными органами производителям в полном объеме, чтобы избежать спекуляции. Необходимо также развитие благотворительных фондов и других подобных форм. Следует отметить, что зарубежная практика чрезвычайно богата различными способами обеспечения минимальных социальных гарантий, учитывающих при этом и негативные последствия подобного рода действий,— иждивенчество, снижение стимулов к производительной деятельности.

В условиях переходного состояния экономики, по-видимому, в ряде случаев без временного введения рационирования не обойтись. Главное состоит в том, чтобы эти мероприятия из временных не превратились в долгосрочные. В противном случае нам никогда не уйти от «преимуществ» планового дефицита и не создать нормальной экономики и нормальной жизни. Нужно поверить Сталину: карточная система нам не поможет, это гнилая система.

* * *

Если в высказываниях Сталина 30-х годов по проблемам экономики достаточно много реализма и актуальных на сегодняшний день оценок, то с годами чувство реальности все чаще покидает дряхлеющего вождя.

Некоторые сталинские установки в беседах с экономистами разных периодов могут вызвать сегодня усмешку по поводу фразеологии «основателя политэкономии социализма» при неприятии его позиции.

24 января 1941 года: *«Еще социализм наладить надо, еще по труду долго надо платить, правильно наладить это дело. Надо перестать быть свиньей, надо быть культурным, навести чистоту, тогда уж вступать в коммунизм! А кто вас пустит таких в коммунизм?!»*

24 апреля 1950 года:

«Нужно, чтобы наши кадры хорошо знали марксистскую экономическую теорию.

Первое, старшее поколение большевиков было теоретически подковано. Мы зубрили «Капитал», конспектировали, спорили, друг друга проверяли. В этом была наша сила. Это нам очень помогло.

Второе поколение менее подготовлено. Люди были заняты практической работой, строительством. Марксизм изучали по брошюрам.

Третье поколение воспитывается на фельетонах и газетных статьях. У них нет глубоких знаний. Им надо дать пищу, которая была бы удобоварима. Большинство из них воспитывалось не на изучении работ Маркса и Ленина, а на цитатах.

Если дело дальше так пойдет, то люди могут выродиться. В Америке рассуждают: все решает доллар, зачем нам теория, зачем наука? И у нас так могут рассуждать: зачем нам «капитал», когда социализм строим? Это грозит деградацией, это — смерть. Чтобы этого не было даже в частностях, нужно поднять уровень экономических знаний».

Ну и совсем уж поражает маразм, в который впадает «отец народов» в 1952 году, при оценке экономики капиталистических стран, в своей печально знаменитой работе «Экономические проблемы социализма в СССР».

Пусть и длинноватое, но характерное для Сталина высказывание: *«Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашей советской промышленности в течение пятилеток. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили старые, капиталистические производственные отношения в октябре 1917 года новыми, социалистическими производственными отношениями. Без этого переворота в производственных, экономических отношениях нашей страны* производительные силы прозябали бы у нас так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах. (Выделено нами.— *А. Л.* и *В. Б.*)

Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20—25 лет. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне новыми, коллективистическими производственными отношениями. Без этого производственного переворота производительные силы нашего сельского хозяйства прозябали бы так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах».

* * *

Конец ноября 1934 года, когда Сталин произносил свою речь на пленуме ЦК, предшествовал новому перелому в нашей истории. История часто движется как маятник. Всякий «перегиб» порождает ответную реакцию. В этом смысле нэп был реакцией на продразверстку: маятник нашей истории качнулся слева направо. Коллективизация имела не менее разрушительные последствия, чем продразверстка. Речь Сталина свидетельствует о том, что нэп еще не был забыт, воспоминания о нем толкали к проявлению здравого смысла в экономике. Однако общая ситуация в стране была уже иная. Общественных сил, которые могли бы раскачать маятник, уже не было, а тоталитаризм несовместим с рациональными, общечеловеческими формами хозяйствования. Не может быть нормальной экономики, когда в политике господствуют мифология и насилие.

Да и следует признать — для лицемера Сталина был характерен полный разрыв между словом и делом. Он, как известно, любил с вечера наградить и даже облобызать тех своих соратников, за которыми ночью приедет «черный ворон».

Речь Сталина, многие положения которой, кажется, высказаны в наши дни («с потребителем не считаются», «нет учета потребностей живых людей», «необходимо расширить товарооборот», «политика цен очень интересная штука, у нас мало занимаются этим делом», «ежели трудное дело, то все хотят решить его тем, чтобы повысить цены», «укрепить рубль — значит укрепить все наше планирование и хозрасчет» и т. д.), завершается его актуальным на сегодняшний день призывом — к децентрализации руководства экономикой, к проявлению хозяйственной инициативы на местах. Суперактуально — на Урале по вине руководства неустойчиво работают хлебопекарни! «...Как там люди живут? Сколько грязи! Быт какой ужасный, средневековый. Тов. Кабаков, так жить нельзя». (Это не Говорухина цитата, а Сталина!)

И Кабаков, как и подавляющее большинство участников пленума ЦК ВКП(б), внимавших речи Сталина, вскоре будет расстрелян как «враг народа».

Обратите внимание — через пять дней после этого выступления Сталина будет убит Киров.

Если действительно открыть двери товарно-денежным отношениям, рынку, то неизбежны и политические изменения. Сталин хорошо это понимал, впрочем, это было понятно и его наследникам. Пойти же на изменение политического строя ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев, ни Андропов, ни Черненко не могли. Для того чтобы произошел хотя бы первичный сдвиг, нужны были перестройка и Горбачев. А затем — дальше... дальше... дальше...

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

Современный период в жизни большинства стран, до недавнего времени относившихся к так называемому «социалистическому лагерю», характеризуется событиями всемирно-исторического значения — крахом целой социально-экономической системы, элегантно именуемой административно-командной, а по сути, системы государственно-монополистического социализма.

Необходимо подчеркнуть — термин «социализм» мы можем сейчас употреблять весьма условно, лишь как антитезу понятию «капитализм».

Ведь согласно марксистско-ленинской доктрине социализм — это первоначальная стадия коммунизма. Последний же оказался очень красивой, но чрезвычайно дорогой утопией.

Ликвидация частной собственности на основные средства производства, уничтожение класса частных собственников и предпринимателей привели в свое время к возникновению государственной монополии в экономике и соответственно монополии на власть коммунистической партии.

Не вдаваясь в историю веков, отметим, что непосредственным историческим предшественником социализма является государственно-монополистический капитализм, сложившийся в конце XIX — начале XX века, когда резко усилилась монополизация экономики в странах — основных производителях промышленной продукции и резко возросло государственное вмешательство в экономику. Наиболее высокой степени государственное регулирование экономики достигло в годы первой мировой войны. Но буржуазное государство выполняло двоякую роль: с одной стороны, путем введения таможенных тарифов и квот, другими покровительственными мерами способствовало росту и укреплению монополий, с другой — в интересах функционирования капиталистической экономики в целом проводило мероприятия по обеспечению декартелизации, с помощью так называемого анти-

трестовского законодательства предотвращало безмерное разбухание монополий.

Большевики же во главе с Лениным после Октябрьской революции приступили к «построению коммунизма» — попытались ликвидировать товарно-денежные отношения. С позиций сегодняшнего дня эта попытка выглядит чистейшим безумием — для коммунизма в то время не было абсолютно никаких предпосылок. Но такова сила надежды и веры. Ленин до кронштадтского восстания был убежден сам и убеждал других, что «мы придем к победе коммунистического труда». Случайное, по крупному счету, событие — маленький субботник на железнодорожной станции — Ленин принял за «великий почин». Выступая на III Всероссийском съезде комсомола в октябре 1920 года, он пообещал наступление через 10—20 лет (то есть в 1930—1940-х годах) коммунистического строя. Если отбросить пиетет к имени Ленина, то надо прямо сказать — это была одна из крупнейших хлестаковщин мировой истории. К 1940 году страна имела безумный культ личности Сталина и «гулагизацию всей страны», а к 1990-му мы пришли с табачным и прочими бунтами, с больной экономикой, с кошмаром межнациональных конфликтов.

Кстати, отметим двойную роль «ГУЛАГА», понимая это слово в широком смысле. Он не только устрашал и давал рабскую рабсилу для «великих» и не очень «строек коммунизма». Сами массовые репрессии при Сталине должны были объяснить народной массе, почему не наступил в 30—40-е годы обещанный Лениным коммунизм.

Вернемся, однако, к истории. В 1921 году, после жестоко подавленных восстаний крестьян в Тамбовской губернии и балтийских моряков в Кронштадте, Ленин понял необходимость отхода от иллюзий мировой революции, скорого построения коммунизма и добился перехода к нэпу, который, правда, мыслился им сначала лишь как временное отступление — «от России нэповской мы перейдем к России социалистической». Но вскоре он понял, что «нэп — это надолго». Как человек большого политического таланта, Ленин вполне сознавал, что логическим развитием и завершением нэпа должен был стать не социализм, а капитализм социал-демократического толка.

Отечественные и зарубежные публикации последнего времени о Ленине дают, наконец, его реальный образ — политика и человека, имеющего очень мало общего с тем «розовым», лубочно-сусальным образом «Ильича», который в течение десятилетий муссировался официальной пропагандой и искусством стран «социалистического лагеря». Это был фанатик-революционер, соединивший в себе черты Робеспьера и Лойолы. Его основополагающий принцип «нравственно все, что служит победе коммунизма» стал фундаментальным обоснованием всей той великой смеси безумного террора и лицемерия, которые играли столь гигантскую роль в жизни «первого в мире государства рабочих и крестьян».

Сейчас много говорят о ленинском кооперативном плане. Необходимо совершенно однозначно констатировать, что такого «плана» не существует. Нельзя переоценивать ряд отрывочных мыслей, не дающих сколько-нибудь стройной социально-экономической концепции. Ленин не ответил на основной, главный экономический и соответственно политический вопрос: допускается частная собственность или нет? То есть он не дал альтернативы государственно-монополистическому социализму, такой альтернативой мог стать только реальный рынок, адекватный товарно-денежным отношениям, но с определенными гарантиями для социально незащищенных слоев населения.

Более того, в 1922 году Ленин был организатором и руководителем административной высылки из страны многих и многих русских интеллектуалов, среди которых находились и деятели кооперативного движения. В том же 1922-м по указанию Ленина был проведен фальсифицированный процесс над членами партии эсеров. При этом Ленин настаивал на их расстреле, и только давление социалистических партий Запада не дало возможности осуществить желание Ильича. Поэтому известное суждение Анри Барбюса, что «Сталин — это Ленин сегодня», недалеко от истины. По крупному счету, Сталин воплотил в себе значительную часть Ленина-политика. Другое дело — Ленин по уму и таланту был на голову выше всех своих «друзей и соратников».

Вся последующая деятельность лидеров СССР вплоть до недавних пор состояла в конечном счете в попытке построить «коммунизм» путем насилия, вопреки всеобщим экономическим законам и конкретным интересам народа.

Кто, какие политические силы выступают сейчас против ликвидации административно-командной системы, выступают против рыночной экономики, против легитимации частной собственности в широких, максимально допустимых пределах и масштабах?

Что и кто составляет массовую базу правых организаций, кто может составить массовую базу активно формирующейся Российской коммунистической партии?

Это прежде всего сотрудники безумно разросшегося при социализме бюрократического аппарата, понимаемого в самом широком смысле слова, в первую очередь — аппарата КПСС. И его появление и функционирование в условиях государственно-монополистического социализма, в условиях административно-командной системы было объективно неизбежным.

В капиталистическом обществе роль организатора производства и посредника между производителем и потребителем играет индивидуальный или коллективный капиталист. Какие бы конкретные объекты ни были целью производства той или иной капиталистической фирмы (от детских сосок до выпуска оружия), ее конечной целью является извлечение максимальной прибыли. Но именно благодаря такой внешне «неблагородной» цели развитым капиталистическим странам удалось достичь очень высокого уровня и качества жизни широчайших слоев населения.

Как эталон организации производства и жизни в целом часто приводят шведскую или австрийскую модели «социализма». Необходимо четко и недвусмысленно констатировать: нет никакой шведской или австрийской модели «социализма», но есть шведская и австрийская модели (точнее модификации) капитализма.

В то же время роль частных или коллективных капиталистов при социализме играл огромный бюрократический аппарат, который всем и вся командовал, ни за что не отвечая. Если каждый индивидуальный капиталист был персонифицированным представителем класса капиталистов, то каждый аппаратчик при социализме является персонифицированным представителем нового «служилого сословия», нового «дворянства», которое возникает и функционирует в силу имманентных законов социализма. Для представителей этого класса переход к рыночным отношениям представляет смертельную угрозу — им придется по-настоящему работать, не просто командуя и руководя, а давая конкретную, «весомую, грубую, зримую» отдачу, работать на результат.

Вторая многочисленная группа людей, заинтересованная в сохранении административно-командной системы,— это развращенные системой труда представители трудящихся слоев населения, которые отвыкли от серьезной, напряженной работы на конечный результат, а не просто на «отбываловку», которая часто сводится к банальной показухе, к работе «на корзину», с минимальной отдачей и с тенденцией любой ценой урвать побольше. Эту категорию устраивает сравнительно низкая оплата при условии больших и многочисленных перекуров и собраний в рабочее время. Это — огромный слой легализованного люмпенства, иногда в самой респектабельной внешне форме. Здесь опять же необходимо сделать небольшое отступление исторического характера. В соответствии с развитием и углублением социалистических отношений в конце 20-х началось все более активное замещение свойственной капитализму научной организации труда (как и во многих других сферах) «творчеством масс», «большевистскими темпами» и прочими проявлениями той тенденции, которую так ярко выразил «великий вождь и учитель»: «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». Те нормы и темпы, которые старались внедрить Сталин и его окружение, были зачастую завышены и не имели какого-либо научного обоснования.

Ярким примером проявления такой «сознательности и энтузиазма» был великий трудовой «подвиг» Алексея Стаханова. За смену он выполнил около 14 норм. Такое могло быть при следующем условии: ранее он работал ручным молотком, а в смену, когда установил «рекорд»,— пневматическим. С тем же успехом бегун может поставить «рекорд», сев на велосипед. Но бегуны соревнуются с бегунами, велосипедисты — с велосипедистами. За годы строительства «светлого будущего человечества» сформировался не только гигантский слой людей, отвыкших от по-настоящему результативной работы, но и появился значительный психологический настрой игры в «бескорыстие» на «благо народа, партии» и т. п. Разумеется, людям с таким психологическим настроем не по душе переход к рыночным отношениям, при которых надо всерьез работать, а не заниматься имитацией бурной деятельности.

Оба эти слоя находят сейчас свое политическое оформление в Российской коммунистической партии. Для уяснения ее подлинного лица весьма характерно выступление на втором этапе ее учредительного съезда, проходившего в сентябре 1990 года, первого секретаря Боровского райкома КПСС (Калужская область) Н. М. Шмытко [1]. В нем он выразил озабоченность по поводу веры людей в совместимость «интересов рабочего класса, крестьянства и класса отечественной подпольной буржуазии».

Но, во-первых, неясно, что подразумевает он под «отечественной подпольной буржуазией», и, во-вторых, в каких условиях и когда она возникла?

Предшественником и питательной средой современной теневой экономики является в первую очередь наличие привилегированного слоя партократии, возникшей еще в период гражданской войны. Давным-давно партийный билет стал «хлебной карточкой». Работать на руководящих должностях могли до недавнего времени лишь коммунисты. Существовал целый ряд государственных учреждений, где беспартийные могли работать практически лишь на чисто технических должностях.

Еще в 1930 году М. Рютин выступил с обвинениями в отношении привилегий партийно-государственного аппарата. Сталин передал «дело Рютина» на рассмотрение ЦКК. И что же? Представители «ленинской гвардии» — Рудзутак, Сольц,

[1] См.: Советская Россия. 1990. 7 сентября.

Мария Ульянова — выдали Рютина на расправу Сталину. Не секрет, что многие «старые большевики», многие участники гражданской войны стали сразу «стребовать» за свои заслуги. Такие типы хорошо описаны в «Сентиментальном романе» Веры Пановой. Они, кстати, были и ревностными врагами нэпа: «За что боролись?» Партократия десятилетия жила в привилегированных условиях. «Аскет» Сталин стоил казне очень дорого: несколько дач, включая Ливадийский дворец, огромная охрана, «обслуга». Генеральный секретарь ЦК КПСС, лидер страны Брежнев был ее генеральным казнокрадом.

Именно партократия несет главную ответственность за возникновение теневой экономики. Культ личности, беззаконие и бесправие, коррупция и взяточничество объективно заложены в основе государственно-монополистического социализма, а вовсе не были случайностью, стечением неблагоприятных обстоятельств. Все эти явления начались не при Сталине, а при Ленине.

Крайне интересно и заявление Шмытко по поводу кооперативов: «Мы знаем, что уже есть кооперативы, где есть эксплуатация. Есть такие кооперативы и в нашем Боровском районе. Может ли районная парторганизация в этом кооперативе что-то сделать? Товарищи, мы понимаем, что не можем, так как эксплуатируемые, получая зарплату намного выше, чем на госпредприятии, за такой же или даже меньший труд, к нам за помощью обращаться не будут».

Оригинальное, как видим, представление у аппаратчика об «эксплуатации», «эксплуататорах» и «эксплуатируемых». Оказывается, кооператоры, которые «за такой же или даже меньший труд», «чем на госпредприятии», выплачивают «зарплату намного выше, чем на госпредприятии», являются «эксплуататорами», а их работники — «эксплуатируемыми» Так в чем же эксплуатация? В более высокой зарплате? Но тогда подлинным эксплуататором оказывается госпредприятие, которое «за такой же или бо́льший труд», чем у кооператоров, платит меньше? Не кто иной, как Ленин, говорил, что производительность труда в конечном итоге определяет победу того или иного общественного труда. Очевидно, на госпредприятиях производительность труда ниже, чем у кооперативов, если брать не отдельные факты, а тенденцию в целом. Дело в том, что работники кооператива намного ближе к конечным итогам своего труда, чем в госпредприятии. Одной из главных негативных основ государственно-монополистического социализма и является отчуждение работника от средств производства и результатов своего труда. Не служит ли разница между оплатой труда в кооперативах и госпредприятий средством оплаты аппарата, причем отнюдь не чисто технической его части?

Может быть, секретарь Боровского райкома отказался от суммы, на которую недавно был увеличен его должностной оклад?

В отличие от лидера РКП И. Полозкова и его коллег из различных служебных кабинетов, шахтеры, едва ли не самый «рабочий» отряд рабочего класса, требуют перехода к рыночной экономике. Они живут на зарплату и получают ее за работу в шахтах, а не за сидение в уютных кабинетах, за работу руками, а не языком.

Важнейшим аспектом введения рыночных отношений является появление возможности всерьез стимулировать работу высшего качества. Ведь в каждой профессии, а не только в искусстве и спорте, есть свои звезды. Они могут и должны быть эталонами, на которые в конечном итоге ориентируется масса рабочих и служащих соответствующих профессий. Естественно, их труд должен оплачиваться очень высоко. Такие люди должны не только «знать себе цену», но и иметь возможность получить ее за свой труд. И здесь дело не только в чисто материальной стороне. Такие высокого класса работники, получая высокую оплату за свой труд, получают и моральное удовлетворение, обретают чувство гордости и приобретают высокое уважение окружающих, коллег по работе. Термины «золотые руки», «золотая голова» практически исчезли из нашего обихода. Но именно рынок может восстановить эти понятия в нашей жизни, по-настоящему поставить мастеров своего дела на соответствующую высоту.

Обезличка, «ничейная» собственность не могут стимулировать работника к максимальной отдаче, к максимальной экономической эффективности.

Здесь мы касаемся самой сути вопроса: а что такое социализм? Мы уже говорили — марксизм подразумевает под социализмом первоначальную стадию коммунизма. Поскольку предполагалось в течение какого-то, сравнительно краткого, периода подавлять сопротивление свергнутых эксплуататорских классов, в этот период должна была быть установлена диктатура пролетариата. Известно, какую теорию и, главное, практику создал Сталин и проводила коммунистическая партия в отношении «сопротивления свергнутых эксплуататоров», которое, вопреки всякой логике, должно было не ослабевать по мере успехов «социалистического строительства», а, наоборот, усиливаться.

Этот тезис заставляет вспомнить о психических болезнях и психиатрических больницах, но страна долгие годы и была общегосударственным филиалом этого почтенного заведения. Ярче всего «лампочки Ильича» сияли в прожекторах, установленных на смотровых вышках лагерей «от Москвы до самых до окраин»; великий Сталин возглашал, что «жить стало лучше, жить стало веселее»; в песне сообщалось, что «человек проходит как хозяин необъятной Родины своей» и что «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Смею утверждать, что и в Германии в тот период примерно так же «вольно дышалось». Под «человеком», который «проходит как хозяин», подразумевался, вероятно, «гениальный отец, вождь и учитель». И хотя после смерти Сталина (и расстрела Берии) жить стало действительно «лучше и веселее», социализм продолжал оставаться тоталитарным режимом.

Словом, социализм не явился ни прологом коммунизма, ни «порядками, при которых возможен труд на себя».

«Реальный», «развитой» социализм представлял из себя тоталитарный режим; его основой была государственная форма собственности на средства производства и адекватная политическая, правовая, идеологическая надстройка, давшая таких монстров, как соцреализм в литературе и искусстве, идеологизированную науку и таких ее «блистательных» представителей, как академики Лысенко и Митин, таких почетных академиков, как Сталин и Молотов.

Таким образом, речь идет о какой-то третьей модели социализма, о «порядках, при которых возможен труд на себя». Тут мы подошли к вопросу вопросов: возможна ли такая модель социализма, которая является «порядками, при которых возможен труд на себя»?

Нам представляется, что нет, невозможна. Почему?

Какими бы высокими идеалами ни руководствовались классики марксизма, идея труда не на капиталиста, не собственника средств производства путем труда на «все общество», на «коллективный труд» не дала (при всех модификациях национального и исторического характера) «свободного труда»; социализм свелся к той или иной модификации государственно-монополистического социализма с господством «ничейной» собственности. Работник на деле оказался еще более отчужден от средств производства и результатов своего труда, чем при капитализме.

Более того. Возник многочисленный, гигантский слой «управляющих», «бригадиров» — разумеется, в самом широком смысле этих слов, которые, ничего непосредственно не производя, всем и вся командовали, все и вся распределяли. Зарплата при социализме совсем не соответствовала как реальному вкладу работника в производство, так и реальным ценностям производимых продуктов.

Система государственно-монополистического социализма, административно-командная система себя исторически изжила. Ее производственные отношения являются тормозом, кандалами на пути развития производительных сил. Но другого социализма нет и в настоящее время быть не может. Это — историческая закономерность, а не чья-то фантазия или упрямство.

Но что может и «по-доброму» должно прийти на смену обанкротившемуся социализму? Как это ни звучит остро и трагично для «ортодоксов» типа Полозкова, единственной альтернативой обанкротившемуся социализму может быть только капитализм современной формации. Это капитализм, который в силу целого ряда причин вынужден приспосабливаться к современности, должен повысить — по крайней мере абсолютно — оплату труда, должен резко повысить социальную защищенность широких слоев населения. И делается это вовсе не из филантропии, вовсе не из альтруизма — просто государству и капиталистам выгодней, чтобы значительная часть прибавочного продукта шла на социальные нужды, на предотвращение в конечном итоге социальных конфликтов. Но именно поэтому такая система имеет достаточно прочное основание, имеет длительную историческую перспективу. Это капитализм, который в той или иной форме и степени воплощает в действительности мечту о «фабианском социализме», о «социализме» реформистов типа Каутского и Бернштейна. Мы уже говорили — в Швеции и Австрии не социализм, а капитализм в его социал-демократической редакции Потому что очень широка частная собственность, потому что средства производства и крупные денежные суммы выступают в качестве капитала, есть три основных капиталистических рынка: рынок рабочей силы, рынок товаров и рынок капиталов в форме денег и ценных бумаг. И в нашей реальной действительности речь идет, очевидно, о создании модификации современной формы капитализма. Но не является ли это шагом назад? С точки зрения чисто доктринерской, с точки зрения политической маниловщины — бесспорно. С точки зрения живой, реальной жизни — нет. Такой капитализм был бы просто приведением в норму соотношения развития производительных сил с производственными отношениями. Он привел бы к гигантскому сокращению бюрократического, паразитирующего по существу, аппарата. Могло бы произойти сокращение не только миллионов чиновников различного ранга, но и огромное сокращение армии научных работников, имитирующих бурную деятельность. Гигантское количество людей, сидящих объективно на государственной шее, будет снято с государственного «кошта».

Безумие реального социализма было тоже в определенной степени «отклонением от прогрессивного развития человеческого общества» — сейчас задача состоит в том, чтобы «исправить» ошибки, создать условия для такого развития производства и культуры, которые соответствуют уровню развития производительных сил.

Основное отличие реального социализма от капитализма состояло в том, что основой социализма являлось принуждение, тенденция заставить производителя

производить тот или иной продукт; основой капитализма является тенденция заинтересовать производителя в соответствии с потребностями потребителя.

Что такое экономика при товарно-денежных отношениях? В конечном итоге это весы, на одной чаше которых находятся продукты труда — товары, на другой — их всеобщий эквивалент, деньги. Деньги, о которых еще древние римляне говорили, что они «всеобщая связь вещей и людей». Эти «весы» действуют на рынке. Именно на рынке выявляется то, что в конечном итоге определяет ценность тех или иных товаров и услуг через спрос и предложение. Именно через спрос и предложение находят свое выражение основные законы экономики: стоимости, прибыли и средней прибыли, ценообразования. Без рынка общество не может ни нормально производить, ни нормально реализовывать продукты производства. Но как и что регулирует рынок в условиях товарно-денежных отношений? Прежде всего подчеркнем, что общественная потребность в том или ином товаре или виде услуг проявляется через индивидуальные потребности и является, по существу, их суммой.

Разумеется, и при социализме существует механизм выявления общественных экономических потребностей: статистика, опросы населения. Но этот механизм может лишь в очень недостаточной степени учесть, а тем более реагировать на изменения и потребности производства и потребления. При централизованном планировании и распределении основных фондов резко ослабляется связь и и взаимодействие между номенклатурой и количеством товаров, суммой денежной массы.

Хотя капиталистический рынок и действует как стихийная сила, именно свободный рынок дает очень легкую возможность выявления общественных экономических потребностей и способов их удовлетворения. Вместе с тем стихийность рынка представляет угрозу оптимальному соответствию между потребностями общества и их удовлетворением. Капиталистическому рынку были свойственны кризисы перепроизводства с тяжелыми последствиями. Особое значение имел мировой кризис 1929 года. Его следствием было проведение «нового курса» Рузвельта — целого комплекса мероприятий по государственному регулированию экономики. Государственное вмешательство в экономику носит и сейчас весьма широкий характер во многих капиталистических странах. Но главным при такой «смешанной» системе остается частное предпринимательство, с в о б о д н ы й рынок товаров и услуг.

Что доминирует: свободный рынок при определенных ограничениях государственным регулированием или, наоборот, государственно-плановая экономика с допущением элементов рынка — вот это главное. Первое — это капитализм, который существует в наиболее яркой форме в таких странах, как Швеция, Финляндия, Австрия. Но, повторяем, там господствуют не социалистические, а капиталистические отношения. Второе — это социализм, существующий до настоящего времени в СССР, хотя сейчас и с началом элементов рынка; именно это двойственное состояние привело к таким деформациям, которые выявили все недостатки государственно-монополистического социализма и не дали проявиться сильным сторонам свободного рынка.

Переход к рынку ставит экономику с головы на ноги, дает возможность реализовать действие закона стоимости и его основных категорий: стоимости и себестоимости, цены и прибыли, спроса и предложения. Дает возможность реализовать и основной принцип всякого нормального производства: «время — деньги!», создать с и с т е м ы научной организации труда, оптимизировать производство, максимально использовать рабочую силу и управленческий аппарат при одновременном значительном повышении оплаты; способствует тому, чтобы заменить исповедовавшийся десятилетиями принцип «кто не работает — тот не ест» на принцип «кто работает — тот ест».

С учетом всех модификаций, черт и оттенков можно говорить о двух типах экономики: социализма, то есть государственно-монополистического социализма, административно-командной системы, и капитализма в его высшей современной форме, то есть либерального капитализма.

Третьего — не дано.

АНАТОЛИЙ ВАЙСМАН

«МАСТЕРА» ИЛИ «НАРОДНИКИ»

В своей статье «Интеллектуалы против интеллигенции» (Горизонт, № 5, 1990) Б. Кагарлицкий различает «ИНТЕЛЛЕКТУАЛА» — «работника умственного труда, обладающего необходимой компетенцией и информацией и этим зарабатывающего себе на хлеб», и «ИНТЕЛЛИГЕНТА» в «традиционно русском» смысле, характеризую-

щегося приверженностью «демократическим идеалам», заботе о «народном благе», интересах «большинства» народа и «угнетенных», ж е р т в у я (разрядка моя.— *А. Л.*) ради них собой. Пафос статьи — утверждение о наличии «кризиса интеллигенции», заключающемся в угрозе перерождения «интеллигенции» в «интеллектуалов». При этом Б. Кагарлицкий с полным основанием относит себя к «молодой интеллигенции», составившей «костяк быстро набирающего силу демократического движения, которое неизбежно должно будет взять на вооружение и традиционные социалистические принципы коллективной солидарности, самоуправления, социальной справедливости», отличая этим молодую интеллигенцию 80-х от «либералов образца 60-х годов» и «потерянного поколения» 70-х (они же, по-видимому, и «интеллектуалы»). Я бы к этой типологии только добавил, что спектр 80-х весьма широк (см., например, сборник: Неформалы. Социальные инициативы. Моск. рабочий, 1990), а в 70-х наряду с «интеллектуалами» были широко представлены «диссиденты» не столько в политике, сколько в образе жизни, музыке, религии, философии и пр., к которым относит себя и автор этих строк.

Рассмотрим поднятую в статье Б. Кагарлицкого проблему в более широком историческом контексте, воспользовавшись культурологическими текстами Н. Бердяева и С. Аверинцева.

«Русская интеллигенция,— по словам Н. А. Бердяева,— есть совсем особое, лишь в России существующее духовно-социальное образование. Интеллигенция не есть социальный класс — это идеалистический класс, класс людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, каторгу и на казнь» (Н. Бердяев «Русская идея», ВФ, 1990, № 1, 2). Причем русский интеллигент ориентируется либо на внутреннее самосовершенствование и личный пример, на «непротивление злу насилием», восходящее к очень популярной древнерусской притче о Борисе и Глебе, образу Иисуса Христа-великомученика и старцам-отшельникам, либо на социальное переустройство мира с целью воцарения правды («В России был двоякий исход философствования: у славянофилов — в религию, в веру, у западников — в революцию, в социализм»,— писал Н. Бердяев). С. С. Аверинцев (Византия и Русь. Два типа духовности. Новый мир, 1989, № 8, 9) усматривает эти два направления уже в споре «нестяжателей («заволжских старцев») во главе с Нилом Сорским и «иосифлян» во главе с Иосифом Волоцким (конец XV — середина XVI века). При этом оба направления ориентируются скорее на жертву и страдание, чем на завоевание и личную свободу. Характерной чертой русской интеллигенции XIX века было «народничество».

«Народничество есть своеобразное русское явление, как и русский нигилизм и русский анархизм. Было народничество консервативное и революционное, материалистическое и религиозное, славянофилов и Герцена, Достоевского и революционеров 70-х годов. И всегда в основании лежала вера в народ как хранителя правды. При этом основной русской темой будет не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни. Русская литература будет носить моральный характер более, чем все литературы мира. Поэтому в русской культуре развивался не столько идеал личности, сколько идеал народа в виде идеализации или допетровской России, или Запада, или грядущей революции. Все почти думали, что русский народ призван осуществить социальную правду, братство людей. Все надеялись, что Россия избежит неправды и зла капитализма» (Н. Бердяев). Но, что еще раз подтвердила наша история, «благими пожеланиями вымощена дорога в ад». С середины XIX по середину XX века господствующим типом личности у нас был

левый интеллигент-народник или революционный интеллигент (которого Б. Кагарлицкий принимает в качестве образца русского интеллигента), обожествлявший «угнетенный народ» (сначала в лице крестьянской общины, затем в лице рабочего класса), ради которого герой-революционер жертвует жизнью. С таким идеалом красиво умирать, но невозможно построить что-либо пригодное для человеческой жизни (это очень ярко показано в кинофильме «Комиссар» по повести В. Гроссмана). Кроме того, сегодня многие уже понимают, что народ — это не угнетенные рабочие или крестьяне, а очень сложно устроенное целое, у которого, говоря метафорически, есть «голова», «руки», «ноги», «желудок» и т. д. И «сила», которой обладают «руки», без «головы» бесполезна (как и наоборот). И нельзя лечить, скажем, «угнетенные руки», губя «желудок», «сердце» или «мозг». Этот момент, кстати, учитывает современное демократическое «правовое государство», ставящее во главу угла права меньшинства и личности. Поэтому народнический идеал русского интеллигента, провозглашенный в указанной статье Б. Кагарлицкого, представляется нам весьма сомнительным, и имеет смысл вернуться к исходным для этой очень интересной статьи проблемам: кризису литературы, театра и т. п. (т. е. духовной культуры), кризису «культа СЛОВА», «КРИЗИСУ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ».

У Б. Кагарлицкого первые два рассматриваются как проявления последнего. Автору данных строк последовательность представляется обратной. «Духовная культура» имеет свои закономерности развития. В частности, «есть время разбрасывать камни, есть время собирать камни». Анализ истории развития различных культур показывает, что всегда (по крайней мере, если не залезать в слишком древнюю историю) существует «зазор» между идеалами, которые провозглашает данное общество, и «реальной жизнью». Существование этого зазора нормально и является движущей силой истории здорового общества, которое стремится этот зазор уменьшить. Это стремление выливается или в развитие духовной культуры (яркие примеры — Германия XVIII — начала XIX века, Россия XIX — начала XX века), или в развитие социальных преобразований (Великая французская революция, Октябрьская революция 1917 года). Перестройка — время действий, а не рефлексии, созерцания. В этом, возможно, главная причина отмечаемого Б. Кагарлицким кризиса СЛОВА, литературы, театра и т. п.

Но есть и другая, более глубокая сторона переживаемого нами кризиса — обновление идеалов и рождение нового типа личности (на старом доиндивидуальном коллективизме 30—50-х годов не приедешь в постиндустриальную цивилизацию). «Кризис интеллигенции» — достаточно адекватное название для этого процесса.

В силу приведенного выше анализа вряд ли «светлое будущее» может быть связано с «интеллигентом-народником», широко представленным среди поколений 60-х и 80-х. Поскольку переживаемый нами период явно требует социального действия, то вряд ли можно возлагать надежды и на широко представленного в поколениях 60-х и 70-х «интеллигента-созерцателя», занятого своим личным самосовершенствованием. Но если не они, то кто же? Бичуемый Б. Кагарлицким «интеллектуал»?

И здесь на ум приходит Мастер М. Булгакова с его высоким профессионализмом и духовной культурой, у которого место «жертвенности» народников занимает чувство собственного достоинства и свободы, понимаемой не как своеволие, а как следование долгу и закону, а не чьей-либо прихоти. В отличие от «интеллектуала-наемника», обрисованного Б. Кагарлицким, он ориентируется на истину и свою совесть,

а не желание угодить «заказчику». Этот тип личности был популярен среди либералов конца XIX — начала XX века и в александровскую эпоху, давшую Пушкина. С описанными выше народническими типами личности его роднит патриотизм и пренебрежение роскошью и бытом, сочетаемым с отсутствием аскетизма. Этот тип личности очень близок духу древнеримской республики, который сознательно культивировался в среде «детей 1812 года». Есть они и сегодня, но пока они разобщены и не у дел. Это связано с тем, что все дела вершатся у нас посредством «феодалов-начальников» и «крепостных-подчиненных». В результате все работают либо «по традиции» (план «от достигнутого»), либо «конкретно-пожарно» (этого — туда, этого — сюда) и, по сути, не решают конкретных конструктивных проблем «среднего уровня», где только и может происходить работа, требующая Мастера. Отсутствие этого «среднего слоя» деятельности — показатель задеидеологизированности нашего общества, отвыкшего ставить проблемы, исходя из своих интересов и идеалов, а потом их решать. Вместо этого предлагается сразу псевдорешение псевдопроблем в виде очередного идеологического штампа («социалистического» или «капиталистического») без понимания, что эти понятия определены лишь для простой гомогенной модели общества, сегодня не работающей). И пока мы делаем лишь первые шаги на пути демонополизации идеологии. Деидеологизация мышления еще и не начиналась. Пора кончать с крепостным правом и властью идеологических мифов. Пора вспомнить о знаменитых русских промышленниках и инженерах конца XIX — начала XX века, которые не были ни «народниками», ни «святыми». Пора понять, что свобода — самый мощный и все еще не используемый потенциал нашего общества.

АРКАДИЙ ЛИПКИН

ПРОЩАНИЕ С ЗАПАДНИЧЕСТВОМ

Когда я писал статью об интеллектуалах и интеллигенции, я знал, что она многим не понравится. Полемическое письмо Аркадия Липкина, насколько я могу судить, выражает достаточно типичную позицию. В сущности, ее можно свести к следующей формуле: да, мы не хотим быть интеллигенцией в старом смысле, не хотим быть «народниками», мы действительно хотим быть интеллектуалами, как на Западе. Но зачем же ругать интеллектуала и приписывать ему всякие грехи? В отличие от «интеллектуала-наемника», обрисованного Б. Кагарлицким, он ориентируется на истину и свою совесть, а не на желание угодить «заказчику». Все это звучит очень красиво. Беда лишь в том, что Липкин, как и большинство читателей, разделяющих его взгляды, не захотел понять в моей статье главного. Я не выступаю против интеллектуалов, я лишь стремлюсь показать, что настоящих интеллектуалов в западном смысле у нас в стране как раз нет и не может быть.

Любопытно, что, когда Липкин ссылается на историю русской интеллигенции, он даже не задается вопросом о том, почему в России интеллигенты, возникшие в качестве особого социального слоя именно благодаря европейскому образованию и культуре, так и не стали похожи на западных интеллектуалов?

Дело в том, что просто не существовало социальных условий, аналогичных западным! Как нет их и теперь. Можно сколько угодно заявлять о своем нежелании быть «наемником», но если ты наемный работник и зависишь от тех, кто платит деньги, подобные рассуждения

в лучшем случае являются самообманом. Независимый, критически мыслящий интеллектуал, про которого говорит Липкин, может нормально трудиться лишь при одном условии: если у него есть цивилизованный «заказчик», способный не только на руководство, но и на ПАРТНЕРСТВО. Если такого заказчика нет, интеллектуал может отстоять свою независимость лишь ценой постоянного конфликта, постоянной борьбы с «заказчиком», то есть государством и правящим классом. А тем самым он неизбежно превращается именно в традиционного русского интеллигента.

Особенность России, как и большинства развивающихся стран, именно в том, что здесь цивилизованного правящего класса в западном понимании не было и не могло быть. Как нет и не может быть его теперь. Успех демократического капитализма на Западе — явление исключительное, связанное со специфическими особенностями формирования европейской буржуазии, с ее протестантской этикой, многовековым опытом и традициями. Кстати, то же самое можно сказать и про западную бюрократию — рациональную, эффективную, «деидеологизированную». Ни русский бюрократ, ни русский капиталист этими качествами не обладали. И лишь очень наивные люди могут надеяться, будто частный и акционерный капитал нового образца, выросший в недрах номенклатурной системы, порожденный коррупцией и органически сросшийся с властью, сможет стать чем-то иным, нежели еще одной разновидностью бюрократической буржуазии, господствующей сегодня в большинстве стран третьего мира.

Именно для интеллектуалов невозможность быть действительно независимыми и действительно критически мыслить, не превращаясь в политическую оппозицию и не воспринимая «народническую» идеологию, породила и продолжает порождать интеллигенцию. Отвергая эту традицию, мы обрекаем себя на роль прислуги правящих кругов.

Любопытно, что, по Липкину, «отсутствие среднего слоя» — показатель «идеологизированности нашего общества». То есть если бы общество было «менее идеологизированным», средний слой вдруг бы появился перед нами как черт из табакерки. В действительности, однако, так не бывает. Развитого и самостоятельного среднего слоя нет просто потому, что в обществе для него нет места, и, как признает сам Липкин, не существует условий для его формирования.

Сегодня политическое лицо господствующей верхушки меняется. Правящие круги ссылаются на модных публицистов, цитируют известных писателей. Сегодня верхами «заказана» западническая идеология. Опять же можно сколько угодно призывать к деидеологизации, но логика общественного развития «тянет» нас совершенно в другую сторону.

Впрочем, сами термины «идеологизация» и «деидеологизация» совершенно бессодержательны. Любое общество порождает необходимые для своего развития системы религиозных, философских, политических идей. Последовательно деидеологизированное общество было бы попросту лишено религии, культуры, политической жизни. Иное дело, что зачастую идеология выступает просто как «ложное сознание». Подмена причины следствием (средних слоев нет из-за «неправильных» идей или ценностей), требование «деидеологизации» языка, стремление просто удалить неудобные для вас термины и понятия — «социализм», «капитализм» и т. д.— типичный пример подобного мышления.

В этом смысле российское общество действительно резко отличается от западного. В отличие от Европы мы привыкли произвольно манипулировать понятиями, в конечном счете лишая их всякого смысла. Западноевропейский исследователь знает, например, что, если убрать из науки термины «социализм» и «капитализм», одновременно придется ликвидировать и целые направления — политическую социологию, системный анализ, политическую экономию. Напротив, российский теоретик сначала «играет в слова» по правилам, предложенным правящими верхами, лишая основные научные понятия всякого смысла и выворачивая их наизнанку, а затем, окончательно растерявшись и запутавшись в собственных комбинациях, предлагает устранить «скомпрометированные» слова и заменить их новыми. Где гарантия, что с новыми терминами (даже если мы изобретем собственный идеологический язык, отличный от теоретического языка, на котором говорят исследователи всего мира) не произойдет то же самое, что и со старыми?

Именно отчаянные наши и бессмысленные попытки поверхностного подражания Западу лучше всего показывают, насколько мы отличаемся от него. Более того, парадоксальным образом из-за этих попыток дистанция увеличивается, ибо подражаем мы не реальному Западу, а нашему совершенно ложному представлению о нем. Стремление ориентироваться на чужую культуру, копировать готовые образцы, соединенное с пренебрежительным, а порой и агрессивно-боязненным отношением к собственному народу и собственной истории,— не только одно из проявлений идеологического провинциализма, но и характерное проявление той самой «азиатской дикости», которую вроде бы собираются искоренять.

«Западническая идея» изначально содержит в себе неразрешимое противоречие. То, что именно в XVIII веке, в период «прорубания окна в Европу», в России крепостное право достигло наивысшего расцвета — далеко не случаен. «Западническая традиция», воплощаясь в конкретные политические решения, превращалась в идеологическое оправдание антинародных действий власти. Дело в том, что ПОЛИТИЧЕСКОЕ «западничество» всегда было нацелено на то, чтобы обеспечить «передовому», привилегированному, «просвещенному» меньшинству условия «цивилизованной» жизни и «цивилизованного» потребления по западному образцу. Одновременно предполагалось и создание экономической структуры, максимально отвечающей западным стандартам каждой данной эпохи (Петр строил мануфактуры и организовывал флот, Сталин создавал машиностроительную промышленность, нынешние «западники» мечтают о компьютерах). Беда лишь в том, что в условиях отсталой страны быстрое решение этих проблем всегда оказывалось возможным лишь за счет еще большего угнетения «отсталого» большинства.

Западное общество формировалось, не зная, что такое «западничество». Для любого западного народа прогресс предполагал утверждение собственной культуры, а не отказ от нее. Исторически сложившиеся государственные структуры Запада, со всеми их достоинствами и недостатками, не были навязаны обществу «сверху» или извне — они были продуктом естественного развития самого общества.

«Западничество», требующее отказа от собственного лица, осуждения собственной истории (не какого-либо одного ее этапа, а в сущности, именно всей традиции, всей истории, всего того, что не вписывается в модель «нормального», то есть западного, общества, как его представляют сторонники подобного «прогресса»), фактически отрицает самое главное в западной традиции — ее народность. ДЕМОКРАТИЯ значит власть большинства. Власть, при которой ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

всегда принадлежит народу, массам, большинству, а не «элите». Именно этот принцип и неприемлем для «западников», которые, в сущности, всегда опирались на старый ВИЗАНТИЙСКИЙ принцип, согласно которому общественная власть должна быть максимально сосредоточена в руках носителей «знания», или, как сказали бы в более поздние времена, «просвещенных классов».

Социальная природа «западничества» в России, как и в странах третьего мира, достаточно очевидна. Причины «западнических» иллюзий не только в провинциализме, отсталости, некомпетентности и «незападности» значительной части самой «просвещенной элиты», но и в ее МАРГИНАЛЬНОСТИ, оторванности от общества, деклассированности, отсутствии четкой и признанной социальной роли.

Проблема, впрочем, в разные времена стояла по-разному. «Западническая» ориентация власти сегодня — наглядное свидетельство ее кризиса и маргинализации. Точно так же, как маргинальной была власть в послепетровской России, во времена Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны и даже Екатерины Великой. Это была власть, оторванная от общества, глубоко враждебная большинству народа, его традициям и прошлому.

К сожалению, приходится констатировать, что сталинская власть не была маргинальна: деклассировано, маргинализовано, разобщено было в тот момент само общество. Власть была единственной объединяющей и организующей силой в стране. Именно в этом, а не в ужасах террора причина поразительной устойчивости сталинского режима, несмотря на катастрофические неудачи. Террор должен был не только запугивать, но прежде всего дезорганизовывать общество, превращать его в маргинальную массу.

К концу XX века российское общество, сумевшее вновь более или менее оправиться от потрясений сталинского террора, противостоит власти, все менее способной доказать свое право на существование, raison d'etre. Естественно, подобная ослабевшая власть уже не может быть по-настоящему страшной и террористической, но она не может и стать законной, демократической. Она по-прежнему остается антинародной. Только антинародность эта выражается теперь иначе. Она проявляется в социальной безответственности.

Эта же маргинальность характерна и для той части интеллектуальной «элиты», которая в наибольшей степени связана с «верхами». В данном случае социально-политическая безответственность превращается в культурную. Если власть имущие проводят безответственные реформы, стремясь хоть как-то восстановить или укрепить свое положение и превратить незаконные бюрократические привилегии в «законную» частную собственность, то интеллектуалы нового типа призывают поверить всех в благостность избранного пути, порвать с собственной историей и культурой, традициями и опытом.

Противоречие между демократическими идеями, пришедшими к нам с Запада, и логикой российского «западничества» стало заметно для русской интеллигенции еще в XIX веке. В сущности, всеобщий интерес интеллигенции к идеям социализма был как раз ответом на духовное крушение «западничества».

Эта же ситуация повторяется сегодня. И до тех пор, пока мы не научимся извлекать уроки из собственного опыта и не сумеем по-настоящему опереться на собственную традицию, мы обречены идти от одной катастрофы к другой. Это не только проблема интеллигенции, это проблема всего общества. Но на интеллигенции лежит особая ответственность.

БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ

Дмитрий Гришин

РЕПРЕССИРОВАННЫЙ КРЕМЛЬ

Все вынесут кремлевские бока.

Марина Цветаева

Уже само словосочетание «Московский Кремль» всегда рождает в нас тихий восторженный трепет, делает кощунственной даже мысль о чем-то негативном и страшном в судьбе этого великого памятника. Увы, время «великих» боев, переломов, побед, свершений и планов не пощадило и его. И как ни горька эта правда истории, мы должны ее знать. Для нашего покаяния. И для бдительности: ведь оставаясь и сегодня политическим центром страны, Кремль практически беззащитен и легко раним.

Итак, первый страшный удар Кремлю был нанесен уже в октябре 1917 года. Занятый 28-го числа юнкерами, он подвергся сильному методичному обстрелу артиллерией Московского военно-революционного комитета. Орудия били со Швивой горки, из Китай-города, с Воробьевых гор, от Крымского моста. Никакого стратегического смысла в этом не было. Лидеры эсеровского «Комитета общественной безопасности», укрывшиеся в Кремле 2 ноября, в тот же день договорились с большевиками о своей сдаче. Юнкера покидали Кремль, ВРК приказал с 9 часов прекратить огонь, митрополиту Платону обещали не стрелять по Кремлю. Тем не менее в ночь со 2 на 3 ноября его территория подверглась сильнейшей бомбардировке красных пушек. И уже прямой наводкой...

Епископ Нестор писал: «Кому и для чего понадобились все эти ужасы!! Ведь нельзя же считать серьезным основанием то, что артиллеристская канонада, направленная на Кремль, имела целью сокрушить горсть тех офицеров и юнкеров... Позор этот может загладиться лишь тогда, когда вся Россия опомнится от своего безумия... Пусть этот ужас злодеяния над Кремлем заставит опомниться весь русский народ и понять, что таким способом не создается счастье народное» [1]. Нестор Камчатский, автор этих строк, посетивший Кремль на следующий день после победы восстания в Москве, рассказал свои впечатления в книге, изданной с благословления Священного Собора. Она называется «Расстрел Московского Кремля (27 октября — 3 ноября 1917 года)». Это издание столь редко, что найти его в наших библиотеках не удалось. Приводимые данные взяты из указателя «Сорок сороков» издательства «ИМКА-Пресс». Вот лишь краткое перечисление увиденного епископом варварства: скесена верхушка Беклемишевской башни, большая пробоина в куполе Успенского собора. Сильно разрушена — 16 орудийных и 96 осколочных ран — церковь Двенадцати апостолов (а в ее алтаре осколки снаряда отбили руки Распятого Спасителя). Снаряд, попавший в верхнюю часть Николаевского дворца, взорвался в церкви Св. Петра и Павла; разрушения в Петровских палатах, в патриаршей ризнице осколки изуродовали Мстиславо Евангелие XII века, сильные разрушения в алтаре церкви Николы Гостунского. В митрополичьи покои Чудова монастыря влетело два снаряда, один из них разрушил всю стену, но не задел висевшую ико-

ну... Снаряды испортили стены церкви Св. Екатерины, а один попал в купол знаменитого Екатерининского зала Сената. Были и следы недавнего ликования победителей: исписанные стены, разбитые шкафы и зеркала, разорванные портреты, простреленные пулями иконы...

Изуродованный и загаженный простоял Кремль всю зиму. А в марте сюда прибыло спешно покинувшее Петроград советское правительство. Тяжелые двери проездных башен закрылись перед москвичами, как когда-то закрывались перед неприятелем.

Через месяц из-за древних стен вышел интереснейший документ — декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». Что ж, стремление поскорее соорудить монументы «в ознаменование великого переворота, преобразившего Россию» вполне понятно. Но мировая история еще не знала правительственного документа, призывавшего к массовой ликвидации старых памятников. Первый параграф декрета указывал, что «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц, частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера». Позвольте, но разве может вообще существовать какой-либо памятник, не представляющий никакого исторического интереса! Но именно такие и надлежало срочно найти и сломать. Определять их художественную ценность (настоящие шедевры всегда и везде редкость) должна была особая комиссия в составе лишь трех человек. Причем ей предстояло разобраться только с Москвой и Петроградом, а местные власти «по соглашению» с комиссией действовали уже самостоятельно.

Тот же декрет требовал не откладывать дела в долгий ящик и выражал желание, «чтобы в день 1-го Мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы». До праздника оставалось две недели...

У этого постановления был и документ-ровесник: воззвание Наркомата художественно-исторических имуществ. В нем есть такие строчки: «Ненависть, которую питает народ к прежним хозяевам — царям и другим поработителям, он не распространяет на ни в чем не повинные вещи, с которыми отныне станет обращаться по-хозяйски, в целях доступного всем изучения и любования». Золотые слова! Как близки они к обращению исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов 1917 года: «Не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники... Все это — ваша история, ваша гордость». Но как далеки они от «использования утилитарного характера».

Вот они — две стороны великих социальных потрясений, на одну из которых мы столько любовались, не желая замечать другой. Московскому Кремлю со всей полнотой пришлось пережить обе. Волею судьбы он как испытательный полигон первым подставил бока. Сколько раз говорили о реставрационных работах, начавшихся в нем в 1918 году. И на той же радостной ноте упоминали о первых кремлевских потерях. Словно речь шла о второстепенных, но таких же положительных успехах.

Это относится прежде всего к первомайскому эпизоду 1918 года с памятным крестом. То был тот самый Первомай, к которому так спешили с «истуканами». Праздничным солнечным утром члены ВЦИК и Совнаркома дружно снесли памятник, стоящий на месте убийства террористом И. Каляевым в 1905 году великого князя Сергея Александровича. П. Д. Мальков, комендант Кремля, писал в мемуарах:

«Я мигом сбéгал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон...

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал командовать Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику» [1].

По другой версии, памятник снесли рабочие и красногвардейцы. Ленин же, как свидетель эпизода, высоко оценил их инициативу. «Это прекрасно! — сказал Владимир Ильич.— Давно пора было бы убрать отсюда этот никому не нужный хлам» [2]. Так в трех словах оценив работу художника В. Васнецова (без всякой, заметим, комиссии, Председатель Совнаркома заявил: «На этом месте революционный пролетариат должен воздвигнуть памятник смелому борцу Каляеву...» [3] Монумента террористу, совершившему тягчайшее уголовное преступление по заданию провокатора охранки Азефа, почему-то так и не поставили, но площадь эта все же стала Каляевской. На поваленном, разбившемся кресте было написано: «Отче, отпусти им,— не ведают бо, что творят»...

Роль «наиболее уродливого истукана» сыграл в Кремле памятник Александру II. Это было величественное сооружение. Над обрывом, на кромке холма, возвышался шатер, по бокам — галереи с портретами русских монархов от Владимира Святого до Николая I. Придворный архитектор Жуковский явно перестарался, и памятнику досталось немало критики. Но вся эта громада с двуглавым орлом на крыше как раз и осталась еще на несколько лет. В те же дни 1918-го была снесена сама статуя «царя-освободителя» работы знаменитого скульптора А. Опекушина. Простояла она под шатром всего 20 лет.

В начале 20-х на фоне начавшихся, наконец, восстановительных работ остатки памятника Александру II доломали, в 1922-м зачем-то уничтожили часовню Печерской Богоматери возле церкви Ризположения, а к концу десятилетия снесли четыре часовни XIX века на Красной площади у Спасских и Никольских ворот. Все это в первом издании Большой советской энциклопедии было стыдливо названо «рядом реставрационных работ для устранения застроек и выявления наиболее ценных древних сооружений». А. В. Никольский в путеводителе «Старая Москва» (1924 года) наивно утверждал, что «строительство в Кремле по счастью прекратилось... и Кремлю, как кажется... не угрожают теперь новые архитектурные насилия» [4]. Увы, и насилия, и бездарное строительство, и беспощадное уничтожение «выявленных наиболее ценных сооружений» еще только приближались. Надвигался настоящий разгром.

«Пятисоборный несравненный круг / Прими, мой древний, вдохновенный друг»,— писала Марина Цветаева о Кремле. Но ведь в Кремле только три собора: Успенский, Архангельский и Благовещенский! Стихи, как старая фотография, запечатлели то, чего давно нет. Нет и не будет больше в Кремле двух соборов, удивительных памятников XVI века — Вознесения Господня и Чуда Архангела Михаила. С ними исчезли и постройки двух одноименных монастырей. Как объяснить эту страшную, невосполнимую потерю! Да и объяснимо ли это вообще!

---

[1] Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М.: Мол. гвардия, 1968. С. 127, 128.
[2] Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 238.
[3] Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. С. 238.
[4] Московский летописец: Сборник. Вып. 1. Моск. рабочий, 1988. С. 164.

Справочники и путеводители испуганно молчат, а энциклопедия «Москва» бубнит что-то о «разобранных ветхих постройках». Так что же это было — опять «реставрация путем устранения»! Или капризное желание «великого вождя», все больше ощущавшего Кремль своим подворьем!

В 1928—1929 годах в Кремле происходили бурные политические события. Решалась, как известно, судьба нэпа, судьба социализма. Древние памятники мало кого интересовали. Редкие группы иностранцев и организованные экскурсии советских рабочих (по специальным спискам) проникали порой за охранявшиеся ворота. Здесь их ждала четко отработанная программа: три храма на Соборной площади, потом Оружейная палата. И ни шагу в сторону.

Чудов и Вознесенский монастыри никому не показывались. То ли из-за близости к правительственному зданию, то ли из-за проживания в их кельях многочисленной кремлевской обслуги, не желавшей лишнего беспокойства. Пятисоборный круг распался. Два собора остались «не у дел» и медленно стали относиться временем к роковому концу.

Забота о древних кремлевских сооружениях была возложена на отдел памятников, входивший в состав Оружейной палаты. В отделе работали четверо: заведующий — Николай Николаевич Померанцев, крупный специалист; архитектор — Дмитрий Петрович Сухов, ведавший реставрацией, и двое молодых специалистов, выпускников МГУ,— Владимир Николаевич Иванов и Софья Алексеевна Зомбе. Помимо экскурсий и выставок их задачей была сохранность соборов, чистота и хорошее техническое состояние. Никому из них, конечно, не могло и в голову прийти, что скоро их первостепенным делом станет спешное спасение всего, что хоть как-то можно спасти из заминированных монастырей...

Ну а пока реставратор И. А. Баранов изучал и обновлял иконы, а В. Н. Иванов регулярно ходил в «изолированные» монастырские соборы проветривать церковные одеяния. «Что, опять царские пеленки пошел сушить!» — хохотал ему вслед помощник коменданта.

Сегодня Владимир Николаевич Иванов — один из старейших московских искусствоведов, член правления Общества охраны памятников, член президиума научно-методического совета Министерства культуры СССР, почетный член Международного совета по охране памятников, персональный пенсионер.

В 1928 году, выпускником университета, он пришел в Кремль, где ему суждено было стать свидетелем одного из величайших преступлений в нашей культуре. Ныне он единственный свидетель.

Мы беседуем с Владимиром Николаевичем в его московской квартире.

— Кто руководил вами, музейными работниками, нес ответственность за кремлевские постройки! Наркомпрос!

— Вообще-то Наркомпрос. Но на деле вся кремлевская жизнь подчинялась коменданту. Он был здесь полный хозяин, и никто со стороны не мог вмешаться. Комендант подчинялся только Енукидзе, а тот слушал лишь Сталина.

— Стало быть, хозяйственные, «придворные» интересы затмевали в Кремле все остальные!

— Конечно. Здесь шла большая внутренняя жизнь. Все гражданские и монастырские постройки занимали работники аппарата, обслуга и охрана. Некоторые здания служили казармой.

— А где же работали вы!

— В подвале. Наш отдел, например, располагался под Благовещенским собором.

Я мысленно перебираю все известные мне данные о погибшем ансамбле: прекрасный и загадочный главный собор Чудова монастыря с великолепными фресками, соединенные церкви Андрея Первозванного, Благовещения и Св. Алексея XV—XVII века, Малый, или Николаевский, дворец работы М. Казакова с церковью Петра и Павла, казаковские же парадные ворота в древнерусском стиле, огромный Вознесенский собор архитектора Алевиза Нового, строителя Архангельского собора, церковь Михаила Малеина XVII века, небольшая колокольня с церковью Иосифа Белгородского, удивительной красоты церковь Св. Екатерины, редчайший образец московской готики начала XIX века[1]. Статистика! Не лучше ли вспомнить яркие эпизоды истории: инок Чудова монастыря Григорий Отрепьев бежит в Польшу и возвращается царем Димитрием с невестой Мариной Мнишек, которую поселяют до свадьбы в Вознесенском монастыре; здесь открывают греко-латинскую школу; низвергают в надвратной (какое унижение!) монастырской церкви всесильного Никона; крестят Петра Великого; ведут вернувшегося из ссылки Пушкина на аудиенцию к царю; рождается Александр II...

— Скажите, Владимир Николаевич, неужели все это, эти бесценные исторические, культурные сокровища стали жертвой строительства лишь какой-то военной школы!

— Да, конечно... Школа красных командиров имени ВЦИК была привилегированным военным учебным заведением. Она давно обосновалась в Кремле, занимала несколько построек. Но вдруг ей стало тесно, да и новый клуб понадобился. Решили строить новые корпуса. Свободного же места в Кремле больше не было, и...

— И никто не пытался остановить!

— Пытались. Померанцев кинулся в соответствующие инстанции, привлек видные авторитеты — Грабаря, Щусева и других. Говорить тогда о культуре было уже бесполезно. Главный довод нашли такой: нельзя строить военную школу в правительственной резиденции.

— Правительство и казармы — соседство действительно не из лучших. Но это уже не смущало. Вопрос, видимо, давно и окончательно решился чьим-то самозванческим приказом. Сколько же времени вам отвели на эвакуацию!

— Подготовительные работы по расчистке строительной площадки заняли около четырех месяцев. Территорию обнесли забором, привезли технику. Нужно все было делать быстрей-быстрей, спешно производили обмеры, фотографировали, вывозили утварь, одеяния. Работали наши сотрудники отдела памятников Кремля, сотрудники реставрационной мастерской Наркомпроса. Самое печальное, что нам не удалось спасти фрески Чудова монастыря. Часть уже была снята и лежала на фанере, кое-что успели даже унести (сейчас в Третьяковке). Но утром, когда работы должны были продолжиться, мы увидели собор взорванным со всем, что в нем осталось...

— А иконостас!

— Его успели разобрать. Иконы сейчас в запасниках.

Успели или не успели... Успели вынести иконостас из Вознесенского собора, он теперь в экспозиции кремлевских музеев. Но не удалось провести раскопки, а ведь здесь были древнейшие московские некро-

[1] Приписывается архитектору К. Росси.

поли[1]. Зато успели спасти из разрушенной церкви Михаила Малеина камень с барельефом Георгия Победоносца, гербом-стражем Москвы, помещавшимся в XV веке над парадным въездом в Кремль (до наших дней дошел лишь фрагмент).

Страж роковой Москвы — сойди с ворот!
И докажи — народу и дракону,—
Что спят мужи — сражаются иконы.

Но народ уже безмолвствовал. А дракон разрушения в древних кремлевских стенах, не остановившись перед святыми именами, замахнулся на кремлевские гробницы.

Дай же спокойно им
Спать во гробах.

В Москве, в кафедральном патриаршем Богоявленском соборе, известном в народе под названием Елоховская церковь, перед иконостасом, с правой стороны от царских врат, стоит под шатром и лампадами рака с мощами святого Алексия, митрополита Московского.

Святитель Алексий — выдающаяся, яркая историческая личность. При малолетнем московском великом князе Дмитрии Ивановиче он — правитель государства. Затем — духовный наставник князя, подвижник церкви, соратник Сергия Радонежского, опытный политик, сторонник просвещения.

На знаменитой иконе «Митрополит Алексий с житием» мастер Дионисий изобразил как одно из главных событий в жизни святого постройку Чудова монастыря. Здесь же мы видим погребение митрополита в этой обители и чудеса, творившиеся над его гробницей. Икона дошла до наших дней, но гробница одного из наиболее высокочтимых московских святых была разрушена вместе с монастырской Алексеевой церковью.

И все же сотрудникам кремлевских музеев удалось спасти раку с мощами митрополита. Ее вынесли из церкви, поставили на телегу и перевезли в Успенский собор, где установили в одном из приделов, рядом с гробницей святого митрополита Петра. Так неожиданно оказались погребенными рядом двое самых известных московских святых, чьи имена часто упоминает вместе Русская православная церковь.

Не будем забывать, что в то время потрошений и «конфискаций» мощей заступиться за останки канонизированного церковного деятеля, спрятать их было рискованным делом. Именно в том же 1929 году религиозная нетерпимость в обществе достигла невиданных размеров. Росли ряды «воинствующих безбожников» (1929-й—465 тысяч; весна 1930-го — 3,5 миллиона), шли аресты религиозной интеллигенции (см.: А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»). Рождество 1929 года объявлено Днем индустриализации, по Москве прошли «карнавалы — похороны религии», появилось печально знаменитое постановление ВЦИК и СНК... А тут, в самом Кремле, перезахоранивают святого! Не забудем же о тех людях... Только после войны патриарх Алексий I осмелился просить власти о передаче церкви мощей, спасенных в Чудове, и перенесе их в свой собор.

К Алексеевской церкви в монастыре примыкало небольшое сооружение XX века — усыпальница великого князя Сергея Александровича. Его имя уже упоминалось нами в связи с рассказом о разрушении

[1] Могилы князей Куракиных, Хованских, Трубецких, Оболенских, бояр Морозовых, Пушкиных...

креста на месте его гибели. Теперь, через 11 лет, добрались до могилы. Ярый реакционер, один из виновников Ходынки, великий князь — фигура малопривлекательная. Но кощунственно уничтожение любой могилы.

Ненависть,— чти
Смертную блажь!

И как в 1905-м разлетелась вдребезги от взрыва карета Сергея Александровича, так через четверть века рассыпалась его надгробная часовня с красивой мозаикой...

Не так давно на этом месте при ремонтных работах случайно выкопали гроб великого князя. Тогда, видимо, не успели. Или побоялись!

Но чья рука поднялась на священные гробницы, кто посмел замахнуться на последний приют матерей и жен собирателей и строителей государства Российского!! Или к памятникам царям причислили и их надгробные памятники!

...В 1393 году овдовевшая великая княгиня Евдокия Дмитриевна, супруга великого князя Московского, народного героя Дмитрия Донского, основала возле Спасских (Фроловских) ворот Кремля Вознесенский монастырь. Здесь она приняла постриг под именем Евфросинии, здесь была погребена. С тех пор монастырский собор Вознесения Господня стал усыпальницей женщин великокняжеского и царского рода. Историк С. М. Соловьев писал, что государь всея Руси в светлый праздник Пасхи после богослужения шел вначале в Вознесенский собор поклониться гробу матери и только после — в Архангельский, к гробнице отца. Таково было значение храма.

Монастырь стал первой привилегированной женской обителью. Созданный в XVI веке новый богатейший приют для пострижения представительниц московской аристократии получил название Новодевичьего, то есть нового по сравнению с Вознесенским. Ныне только это название косвенно напоминает об исчезнувшем монастыре в Кремле. Мысль о спасении царицыных могил появилась сразу, как только стало ясно — уничтожения монастыря не избежать. Кому первому она пришла в голову — неизвестно, но сомнений ни у кого из музейных сотрудников не возникло. Так как дело было необычное, ответственное, создали специальную государственную комиссию в составе Н. Померанцева, Д. П. Сухова, В. К. Клейна, А. В. Орешникова. Секретарями назначили В. Иванова и С. Зомбе.

Прежде всего составили схему расположения всех надгробий в Вознесенском соборе. Определили порядок работы: начать с западного входа и от крайнего правого угла постепенно продвигаться к алтарю.

И вот в огромном промерзшем соборе члены комиссии в последний раз окинули взглядом своды, под которыми когда-то каменел у гроба любимой жены Анастасии Иван Грозный, плакал над телом царицы Натальи ее сын Петр Великий... В последний раз осмотрели белые, покрытые бархатом каменные надгробья с именами царскородных инокинь.

В расшитых шелком покрывалах
Я увидал цариц усталых...
Я увидал монахинь бледных,
Земли отверженных детей...

Их отвергли от земли. Вначале секретарь комиссии списывал с надгробья весь текст. Затем за дело взялись трое каменщиков и превратили памятник в кучу щебня. Под ним оказался 20—30-сантимет-

ровый слой песка. В ход пошли лопаты, и вот уже видна расчищенная плита, закрывающая могилу. На ней тоже текст, более подробно рассказывающий о покоящемся здесь лице. В протокол тщательно переносится каждое слово, фотограф делает снимок. Плиту отваливают и на поверхность поднимают белый каменный саркофаг. Снимают крышку, и снова щелкает фотограф.

Русские царицы лежат спеленутые. Ткань разворачивают, и она разваливается прямо в руках. Ее кусочки помещают между стеклами, помечают. Кроме непонятного назначения сосудов, в саркофагах нет бытовых предметов, украшений, даже крестов. Лишь у одной из сестер Петра на пальце золотое кольцо.

Первая жена Михаила Романова одна из всех погребена в парчовом сарафане (он сейчас в Оружейной палате), волосы в серебряной сетке. У других — в простых волосняках.

Постепенно собор с разрытыми могилами и выставленными гробами принимает жуткий апокалипсический вид. И вдруг среди этого кошмара появился один из тех, кто правил тот «бал». Гулко простучали кованые сапоги, и над могильной плитой замер сам легендарный Клим Ворошилов. То ли проверяя ход строительства, то ли по бесхитростному любопытству пожаловал будущий маршал посмотреть на бывших цариц. Щелкнул фотограф, снимая очередной саркофаг, и заодно увековечил над ним героические сапоги наркомвоенмора.

В ходе этих печальных раскопок случались и неожиданности. Два саркофага долго не могли найти, они оказались зарытыми на необыкновенно большой глубине — 1,5 или 2 метра — да еще и несколько в стороне от их надгробных памятников (произошло это, видимо, из-за смещения пространства собора во время его перестройки в XVI веке). Да и сами памятники были необычны. Вместо длинных текстов на каждом из них лишь по одному слову. На первом — «Евфросиния», на втором — «София». Современники не сочли нужным добавить к ним что-либо еще, эти имена должны были сказать потомкам больше любых самых подробных надписей.

Говорят ли они что-нибудь вам!

Святая Евфросиния московская; до пострига великая княгиня Евдокия, дочь суздальского князя, в 1366 году была выдана замуж за князя Московского Димитрия. Ему суждено было стать Донским, куликовским героем. Ей — верной спутницей, примерной матерью, духовной ученицей святого Алексея и преподобного Сергия Радонежского, который крестил двоих ее детей. В житии недавно канонизированного Дмитрия Донского говорится и о его супруге, которая «вела подвижническую семейную жизнь... построила ряд монастырей и храмов как в Москве, так и в Переславле-Залесском, городе-резиденции великого князя. В Московском Кремле в память Куликовской битвы она заложила церковь Рождества Богородицы... Остаток ее жизни (год преставления 1407) был ознаменован аскетическими подвигами и чудесами, княгиня была причислена к лику святых».

Софья Палеолог — целая особая страница в русской истории. Племянница последнего императора Византии Константина, она в 1427 году была выдана папой Павлом II замуж за великого князя Ивана III. Этот династический брак подтвердил и усилил авторитет новой могучей державы — Московской Руси. Ее правители теперь называли Москву третьим Римом, изображали на печатях двуглавого византийского орла, принимали царский (цезарский) титул. Но в лице Софьи Москва получила и мудрую советчицу князя. Тончайшим умом в Европе называли ее иностранцы. Чтя последних Палеологов, папа Римский распорядился похоронить отца и брата Софьи в соборе Св. Петра, главном храме католичества. В Москве же, спустя около пяти веков после смерти, сама Софья была лишена собственной могилы и даже возможности обрести ее вновь.

...Выкопанные саркофаги нужно было куда-то срочно убрать из собора, который уже готовились взрывать. Вначале думали перенести их в помещение звонницы возле Ивана Великого. Но оставлять останки в служебных помещениях показалось слишком кощунственным. Тогда местом размещения выбрали подвал Судной палаты, пристройки у Архангельского собора. Большие каменные саркофаги по одному или сразу по нескольку ставили на телегу, и единственная лошадь медленно везла через Ивановскую площадь Анастасию Романову и Евфросинию Старицкую (ее предполагавшуюся отравительницу), Елену Глинскую (мать Грозного) и Марфу Собакину (знаменитую царскую невесту). Сместилось время, и рядом могли оказаться две жены царя Михаила и две — царя Алексея, или властолюбивая гордая Софья Витовтовна, и беспринципная Мария Нагая, что признала за сына-царевича беглого расстригу... Через дыру по доскам 52 гробницы спустили вниз, вскоре уже мало кто знал о содержимом сырого подвала.

Впрочем, не совсем. Однажды антропологи около трех месяцев зачем-то провозились, обмеряя останки несчастных цариц. Потом подвал превратился в свалку... Его снова расчистили, установили кто где лежит, вытащили из саркофагов последнее, что можно отнести в музей[1]. Но кто же и когда решится, наконец, предать земле эти многострадальные останки, вернуть церкви гробницу святой! Где голос совести нашей!

Рана, нанесенная Кремлю в 1929—1930 годах, была мучительно тяжелой. Взрывы, уничтожившие древние святыни, расправа с высокохудожественными памятниками, варварство и кощунство. И где же!!

Рана была слишком велика, чтобы остаться незамеченной даже за высокими красными стенами. Московская интеллигенция не на шутку заволновалась. Но... шепотом. О таких вещах вслух уже не говорили. А если откликалась пресса, то не иначе как радостным объявлением социалистического соревнования на лучший проект Дворца культуры на месте снесенного в Москве (начало 1930-го) Симонова монастыря — этой «крепости царско-поповского мракобесия». Но то, что творилось в Кремле, уже не касалось «народных масс», соцсоревнование по проектам казармы не устроили. Однако сохранилась московская легенда о том, что некоторые крупнейшие архитекторы (в том числе и Щусев) отказались принимать участие в постройке зданий на «расчищенном» месте. Пассивный протест! Очень хотелось бы верить.

В воспоминаниях В. Бонч-Бруевича есть широко известный эпизод. Из книги С. Бартенева «Московский Кремль в старину и теперь» В. И. Ленин узнал, что арка собора Двенадцати апостолов была заложена кирпичом при Николае I и превращена в сарай для фуража. Распорядившись о реставрации, Ленин заметил: «Ведь вот была эпоха — настоящая аракчеевщина... Все обращали в сараи и казармы: им совершенно была безразлична история нашей страны». Десять лет спустя новая эпоха с другим названием, превзойдя все ужасы аракчеевщины, на руинах истории стала строить казарму невиданной архитектуры — казарменный социализм. К 1934 году с его громкими «победами» в этой великой стройке закончилось и строительство кремлев-

[1] О сегодняшнем положении см.: Гришин Д., Подшивалов И. В подвалах Кремля // Московские новости. 1989. № 21.

ской школы командиров по проекту архитектора И. Рерберга. Теперь предстояло как следует подготовить Кремль к историческому съезду партийных победителей. Террор над памятниками продолжался.

Прежде всего взялись за Большой Кремлевский дворец. Из двух парадных залов, названных в честь русских орденов Александра Невского и Андрея Первозванного, соорудили просторный, но кабинетно-казенный зал заседаний. Ряды «победителей» росли, им требовался простор (никто не подозревал, как скоро и как сильно они поредеют...). Во дворце же с исчезновением залов исчезли не только два прекрасных архитектурно-художественных памятника. Андреевский зал, бывший до революции парадным тронным залом в Кремле, в первые годы советской власти стал местом проведения конгрессов Коминтерна. Здесь часто выступал В. И. Ленин. Исчезло одно из самых мемориальных мест Кремля.

Новые масштабы партийно-правительственной работы требовали и расширения обслуги. Для работников этой сферы при дворце решили построить новую спецстоловую. Долго место не искали и разместили ее между Благовещенским собором и Грановитой палатой, для чего возле последней были снесены мешавшие Золотая Красная лестница (43 ступени и 3 площадки) и знаменитое Красное крыльцо — парадный вход в кремлевские древние палаты, реликвия, веками бережно сохранявшаяся при всех дворцовых перестройках.

Изменился и внутренний двор Большого дворца. Здесь в начале 30-х годов исчезло древнейшее московское сооружение XIV века — церковь Спаса на Бору. Святыня глубочайшей старины, церковь никак не вписывалась в самый центр победного апофеоза и потому бесследно пропала [1]... Говорят, когда-то Николаю I не понравилось, что церковь Иоанна Предтечи «портит» вид на Замоскворечье из окна его кремлевского кабинета. Памятника не стало. О том, кто остался недоволен видом Спаса на Бору из других дворцовых окон, остается только догадываться.

Привели в «порядок» и Тайницкий сад. Стоявшие в нем старинные церкви Благовещения и Константино-Еленинскую снесли уже без всяких причин.

Известно, что к работам на этом этапе кремлевской «расчистки» были привлечены уже некоторые «мастера», зарекомендовавшие себя на взрывах храма Христа Спасителя. Были, конечно, и защитники. Но что они могли сделать, когда борьба за национальную культуру уже расценивалась как классовая. «Характерно,— заявил в сентябре 1933 года Л. Каганович,— что не обходится дело ни с одной завалящей церквушкой, чтобы не был написан протест по этому поводу. Ясно, что эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами — в попытках упрекнуть Советскую власть в вандализме» [2]. Им уже все было ясно.

А кремлевская рана кровоточила. Капельками крови вытекали из нее сокровища национальной культуры.

И постепенно Кремль из русской национальной святыни, из архитектурного ансамбля мирового значения стал обыкновенным служебным и хозяйственным двором советского правительства, чьи удобства и безопасность определяли все остальное.

Но муки Кремля и тогда не закончились. Едва затянувшуюся рану вновь разбередили в хрущевскую оттепель. Новым «победителям» с еще большим размахом здесь понадобился новый дворец-гигант. И снова резанули по живому.

От здания старых кремлевских казарм (1810) перетащили к Арсеналу старинные орудия работы известных мастеров, перевезли Царь-пушку. Само это величественное здание когда-то считалось мемориалом военной славы России, в минувшем веке украшалось бюстами полководцев, размещало в себе Оружейную палату. В октябре 1917-го оно наполовину выгорело. Теперь его снесли. Разбили и стоявшие за ним корпуса: кавалерский, гренадерский, офицерский... Кавалерский, поскольку тут в одной из квартир недолго жил Ленин, частично уцелел. Но пропал интересный ансамбль последних кремлевских улиц. Кстати, на этом месте жили когда-то многие из «победителей» прошлых лет. Здесь в 1919 году получил квартиру Сталин вместо желанных, по свидетельству Троцкого, царских покоев Большого дворца. Здесь поселились Калинин, Дзержинский, Куйбышев... Немало мемориальных досок открыли бы в Кремле, если бы не железобетонная махина для рапортов о новых и новых победах.

Новый Дворец съездов, нарушивший целостность оставшегося ансамбля, был столь одиозен, что более двух десятилетий в Кремле уже не решались затеять новые переделки. Но в 1989-м без всякого шума на месте давно погибшей Константино-Еленинской церкви соорудили некую спецпостройку. Дальше — больше. На 1990—1991 годы было запланировано возведение в Тайницком саду здания режимной службы. И это когда решался вопрос о покровительстве Кремлю ЮНЕСКО!

Но время на дворе уже иное. Впервые общественности удалось отстоять Кремль от нового насилия. Однако, помня прошлое, будем сдержанны. И более внимательны. К восьмому чуду света, российскому сердцу и алтарю — Московскому Кремлю.

[1] На этом месте соорудили служебную пристройку.
[2] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 112.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

«ПИСАТЕЛЬ ПОПИСЫВАЕТ, ЧИТАТЕЛЬ ПОЧИТЫВАЕТ»

О нем говорят сегодня больше, чем во времена зенита головокружительной карьеры. И ругают страшнее, чем при свержении с политического небосклона. Он выдвинулся в герои литературных произведений. Заметно, правда, что цели, преследуемые их авторами, далеки от восстановления исторической правды. Цели непорядочны, неблагородны, безнравственны...

Помню, как встречал этого человека послевоенный Чирчик — город близ Ташкента. Рабочие химкомбината, завода «Чирчиксельмаш», строители, учителя и мы, дети,— все высыпали на главную улицу с цветами и флагами. Чирчик — не Кутузовский проспект столицы. Члены Политбюро ЦК ВКП(б) разъезжают там не каждый день. Да и на блестящие лимузины посмотреть любопытно. Одинаковых автомобилей около десятка. И каждый везет дородного мужчину в фетровой шляпе. Никто не разглядел, в какой же едет кандидат в депутаты Л. М. Каганович — верный ученик и соратник вдохновителя и организатора всех наших побед великого Сталина (как начертано на растянутом над улицей кумаче). Вполне допускаю, что Каганович въехал в город в другой маши-

не, по другим улицам — незаметно. Поэтому точно не знаю, видел ли я его воочию или только на портретах.

...Нам, четвероклассникам, раздали портреты членов Президиума ЦК, правда, не всем, так как нести их изображения позволялось лишь тем, кто учился без троек. Отличники (их как раз четверо) пойдут с портретами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Витя Антипенко застеклил доставшийся ему портрет; другие — просто приклеили их к листам картона и прикрепили к древкам.

Духовой оркестр играет, марширующие солдаты поют:

«Шагает армия труда.
У нас недаром
Горит пожаром
Пятиконечная звезда».

Лихой парень Ленька Блинков (ему уже лет четырнадцать, он почти в каждом классе учится по два года) обходит наш строй.

— У тебя товарищ Молотов. У тебя — Берия. Отлично! А это кто с бородкой? — кидается он ко мне, и я поднимаю маршала Булганина повыше. Как бы Ленька чего не сотворил — от него всего можно ждать. Но он идет себе дальше:

— Кого из вождей уважаю больше всех? Кагановича. За то, что он в главный штаб ходил к немцам — план снимать. Потому они и войну проиграли, а мы победили!

— Не мог он ходить в немецкий тыл,— вмешивается любящий точность Додик Шапиро.— Не выдумывай, Блинок!

— Это почему же «не мог»? — тянет Ленька.— Я зря не говорю. Кино «Смелые люди» видел? Это про него!

— Во-первых, он был нужен на своем посту в Москве,— возражает Додик.— А потом, его немцы сразу убили бы: он еврей.

— Фиг тебе! — бычится Блинков.— Русский он! Это ты еврей! А вы все против революции, за царя, за белых, за фашистов. Сталина предали! И в газетах об этом писали, и по радио говорили.

Додик, понурив голову и загораживаясь портретом Энгельса, отходит в сторону. Ничего не попишешь: действительно, писали и по радио говорили... Прошедшей зимой — про врачей-убийц. А раньше — про безродных космополитов...

Когда сегодня, почти через сорок лет, читаю об авантюрных приключениях Кагановича (он якобы, выполняя указания всемирного сионистско-масонского центра, возглавил планомерный геноцид славянских наций, искоренение землепашцев, корчевание русской культуры), то непременно вижу перед собой перекошенное злобой лицо Леньки Блинкова. Если бы не знал, что он давно уже закончил свою невеселую пьяную жизнь, то, вероятно, решил бы, что Ленька выбился в известные писатели. Бредни о том, как Каганович хитроумно направлял деятельность и Берии, и Ежова, и Вышинского, и Шкирятова, и самого Сталина, сродни выдумкам двоечника-переростка. Их роднит убежденность: а как же еще может вести себя инородец по отношению к простодушным, доверчивым славянам, чистым и наивным, как дети? Национальная принадлежность — исчерпывающий аргумент. Для литераторов, объявляющих себя истинно русскими патриотами (в отличие от иных — всего лишь русскоязычных), вина Кагановича очевидна уже по одному тому, что он еврей.

На совести Кагановича масса злодеяний. Старательно выслуживаясь перед Хозяином, он не моргнув глазом отдал на заклание даже собственных братьев. Он виноват перед всеми этносами нашей страны: русским, украинским, белорусским, еврейским... Но в той же степени, что и его заединщики — тогдашние генералы армии карателей собственного народа, паханы кровавой банды, учинившей бойню по всей стране.

«Писатель пописывает, читатель почитывает». И если последний ушел недалеко от дремучего Леньки Блинкова, то он схватится за мегафон, за топор, за автомат и пойдет на ни в чем не повинных соседей.

ВИКТОР КУЗНЕЦОВ

РАСКАЯВШИЙСЯ СОЛДАТ, ОТКЛИКНИСЬ!

Прочитал заметку в газете. Еще один «афганец» ушел из жизни: облил себя бензином и зажег спичку. Мой сын! Мальчишка! Пацан!

Я тоже видел кровь. Много крови. В 14 лет удрал на фронт с морской пехотой. Воевал в Корее китайским добровольцем. Думаете, я не стрелял? Стрелял, и в меня стреляли. И «шутиг-стары» бомбили, на лбу остался шрам. Пилотировали самолеты американские летчики — мои враги, мои коллеги... Мы несли смерть и сами были жертвами большой политики. Мы выполняли приказы, от которых у тех, кто уцелел, остались раны, боль, кошмары, а рука тянется к канистре с бензином. Мы были наемниками, карателями. Мы гибли в Корее и во Вьетнаме, на Даманском и в Афганистане, в Анголе и Эфиопии, на оккупированных арабских территориях, в Ольстере и Кувейте, во всем мире...

Раскаявшийся солдат! Только мы можем понять друг друга, утешить, поддержать в момент срыва, ибо наша первая заповедь: «Сам погибай, а товарища выручай!» — наша истинная присяга. Это, быть может, то единственное, за что нам никогда не будет стыдно. Мы должны помогать друг другу! Мы, отработанный материал...

Есть ПЕН-клуб, где друг другу помогают писатели, есть десятки фондов взаимопомощи врачей, учителей, верующих.

Раскаявшиеся солдаты, от рядового до генерала, настало время нам объединиться, чтобы наши младшие братья и сыновья не испытали то, что выпало на нашу долю. Создадим Международную лигу раскаявшихся солдат!

Мы верим в то, что нас поймут и простят. Нам нужна помощь. Она придет, когда мы скажем свое слово.

Земля устала от ненависти. Никто не знает лучше нас, что такое мир: мы воевали. Мы действовали по приказам наших правительств и сами стали жертвами этих преступных приказов.

Солдат! Завтра подойдет старость,— ты должен успеть послужить миру. Не допустим войн — в настоящем и будущем!

Мы сможем помочь друг другу — материально, дружеским словом, пожатием руки. Пусть будет у нас своя газета на разных языках. Объединимся, солдаты! Будем встречаться, издавать книги, выставлять наши картины, фотографии, петь наши песни.

Кто понял меня, откликнись:

СССР, 191104, Ленинград, улица Маяковского, д. 46, Ленинградское региональное отделение Международного фонда «За выживание и развитие человечества»,
писателю Михаилу Демиденко.
Телефон: 279 28 58 факс: 279 28 57
Для друга за рубежом факс 7/812/279/ 28 57

Марина Глазова

РОЗОВОЕ ДЕРЕВО
(Разговоры)

Марина Глазова — человек талантливый, у нее безупречный филологический слух, она по-настоящему любит своих героев, бедных, нелепых обитателей московской коммуналки. Все это легко обнаружит читатель, познакомившийся с ее «Розовым деревом».

Марина Глазова родилась в Москве, здесь окончила школу и университет, защитила диссертацию и стала востоковедом. Краткую автобиографическую справку она завершила фразой: «В 1972 году вместе с семьей эмигрировала из России». За этим скупым сообщением скрывается драматическая история семьи ученых, которых за сопротивление брежневскому режиму, смелые публичные выступления в защиту тех, кого мы сегодня называем гордостью нации, вышвырнули из института, лишили какой бы то ни было работы, обрекли их троих детей на полуголодное существование.

Как известно, судьба наших соотечественников, оказавшихся за рубежом, складывается по-разному. Марина Глазова в эмиграции начала писать. Сначала стихи, потом и прозу, постоянно при этом обращаясь к оставленной не по своей воле родине. Ибо восемнадцать лет изгнания не смогли оборвать ее внутренней связи с миром, в котором она родилась и выросла.

Ее произведения успели заметить и опубликовать такие зарубежные русскоязычные издания, как «Континент», «Время и мы». «Горизонт» же оказался первым журналом, напечатавшим работу Марины Глазовой на ее родине.

Мы слишком долго жили, разбрасывая за ненадобностью все самое талантливое и честное из того, что имели. Давайте порадуемся теперь тому, что мы дожили до иных времен, когда пришла пора уже не разбрасывать, но «собирать камни», которым предназначено лечь в фундамент нашей единой истинно народной культуры.

ГАЛИНА КОРНИЛОВА

Ирочка — в квартире которой разговаривают.
Ольга — соседка.
Вера Александровна — тетя Ольги.
Мария Петровна — домработница Ольги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1
ОЛЬГА

Ирочка! Я на минутку. Николай Евгеньевич приходил. Сказал, что на развод подает. Все не так у меня. Надо было удержать его! Раз замуж вышла и детки... Алеша! Господи! Такой длинный отпуск! Обещал, что скажет маме — решил жениться, и все! И ни строчки! Может быть, он от старух устал? Что же это у нас: двое малых, двое старых плюс одна посередине! Только Алеша на порог, тетя Вера к нему: «Алешенька! Лучше бы я умерла, а Моцарт остался жить! Лучше бы Моцарту отдали все мои годы! А Оленькин отец! Какая нелепость! Естественно, мой брат не был Моцартом, но какой талант! И книга незаконченная осталась! А я все равно никому не нужна!» И Мария Петровна тут же: «Во-во, бабуля! Усю правду говоришь! Вота твоя веревочка, ступай к сваму дереву — это про розу нашу — и сделай тама свою делу! Никак не управишьси! Стращаешь тока! А им свои дела делать надоть. Чего ты тут има мешаишься?» Тетя Вера к проигрывателю. Мария Петровна — ее оттаскивать: «Бабка! Не твое ето дело — граммофон слухать! Ты свое отслухала! Оставь их в спокое! Им чегой-то поговорить надоть, чего не девушкина дела слухать!» Даже гребешок в последний раз разлетелся — так волосы под люстрой летали! Я дом свой уже ненавижу! Я не хочу просыпаться утром! Я тебе правду говорю, что не вынесу! Если с Алешей что случится, не оставляй моих детей! Прости меня!

2
МАРИЯ ПЕТРОВНА

Бабка здеся? Только что ушла? Ну слава тебе, Господи! Так я и знала, что ни черта с ней не станется! Застрамила нас по всему двору! А я Ольге так и сказала: «Никуды она давиться не побегла! Какеи грозятся — нипочем не удавятся!» Усю жизню, как с утра — за веревку! Жалится, что крюку нету! А я ей прямо говорю: «Ты, старая, хватит стращать-то! У нас один на стуле удавилси! Кто задумаеть — безо всякого крюку управится!» Так она сегодня, тварь она едакая, у батареи захрипела! А я ей: «Не вымай, бабка, голову из петли! Дай-ка я потуже затяну!» А она как сиганеть и на вулицу! И Ольга тута на меня затопала. Ну пожалели бы хуть Феденьку. Дитенок какой чувствительный! И заплакала: «Уйду,— говорю,— от вас! Ето чтоб люди говорили, как бабка через мене удавилася! Да у мене уже и на похороны припасено! Вот племельника у Красную Армию проводим и заживем с сестрой не хуже вашего!» И Ольга тута в голос: «Не уходите, Марея Петровна! Миленькая! Я одна не справлюся!» — «Не ври,— говорю,— Ольга! Справишься! Как же мы после войны обходилися и детев без няньков на ноги подымали и об мужуков не думали?!» И куды ей было замуж — такой немощной?! Я ей прямо говорю: «Ольга! Упустила ты Колю Евгенича! Не придет к тебе Коля Евгенич жить с такою-то бабкой!» Ну ты, Ирочка, сама посуди! Какому мужуку охота в такой обстановке находиться? Она к им у комату всякий раз монаться будет — усе спрашивать, нужна она им али нет! А я ей прямо говорю: «Бабка! Не нужна ты никому на етим белом свете! Уберися ты за ради Господи!» Ну что ето, Ирочка, ей никак сто скоро ахнет! Вот дитенок али ишо какой моложавый — глядь, и преставилси! А ета — и живеть, и живеть, и живеть! А потому дева старая! Не страдамши! Хуть какая она тама дева? Кто ж ее разбереть? Она и по женским ни разу у дохтура не была! А у ей ухажер до революции был! Она усе об ем брешеть, как надрызгается. Погиб на фронте у первой войне! А потом она сама на фронт сестрой побегла. Девушка! А, може, и вправду, девушка, что и молодая никому не нужная была! Я ей прямо говорю: «Ты, бабка, никому не нужная и смолоду была, потому вреду в тебе много!» А на людях из себе разыгрываеть — сразу не спознаешь! И вота Ольга. Как в окно тваво мужука завидеть, так ей сразу поговорить с им надоть и Ирочке чегой-то снесть. А ты от ей ничего не бери! Старайси обойтиться сама! Лучше чаю с хлебом напиться, чем от кого чего принять! Дороже обойдется! Не умеють люди давать по-хорошему. А коли дадуть чего, докладають об етим по всему свету! Почет себе составляють! Ты Ольге не доверяйся! Не любит она тебе. Усе по телефону брешеть,

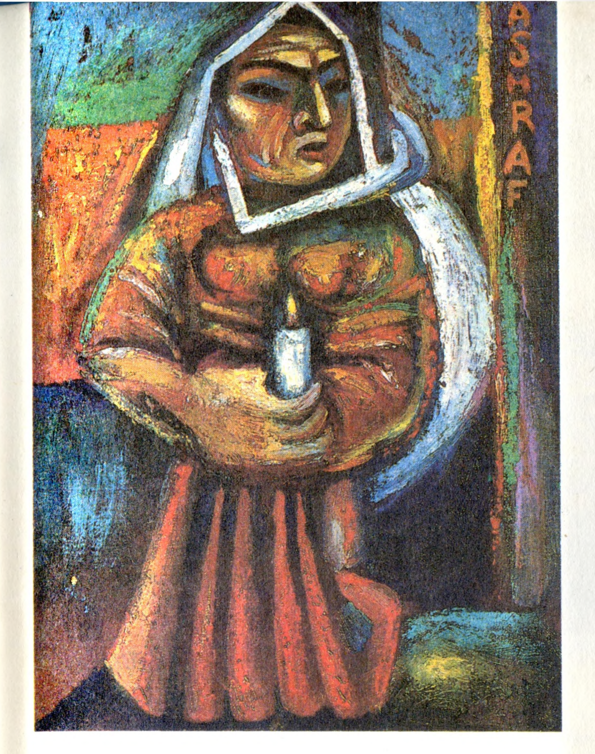
Печатается по журналу «Эхо», 1979, № 1.

скока чего ей стало и что ревнуешь ее шибко к мужику сваму, что она и ходить к вам спокойно не могеть! А ты рот не разевай! А то мужука так и проворонишь! Хуть какая она тама, полюбовница?! Ни черта не могет! Ни мать, ни жана и никакая ни к черту не полюбовница! Одна каша в голове. И не привучай ее бесперечь сюды гонять! Мы ее своими жалостями тока спортим! Она глазы заведеть, детей сбагрить, а сама фить — к дохтуру, мол, побегла! А бабка по квартерам шатается, брешеть, будто ее не кормять. А на ее сахару одного не напасешьси! И сыплеть, и сыплеть, и сыплеть. Так если б в чашку — не жалко. А то ведь на пол! Я говорю: «Не выходь, бабка, на кухоню! Я усе вымыла. Вот тебе песку — хуть засыпьси! И хватит тебе у буфете рыскать! Ты зуб свой пожалей!» У ей же один зуб в роте остался! А она любуя кость етим зубом сгрызеть! И ведь нельзя дитеноку конфетку какуя спокойно дать — того гляди — выхватить. Усе крадучись норовишь. И по всем по всем карманам шмонаеть. Ты смотри — убери бутылку! Бабка придеть, просить будеть, нипочем не давай! Ух она и злющая после делается! Ну есть ведьма! И давиться не хочеть! И как я Ольге завсегда говорю: «Оля! Милая! Сыпь ей песку скока хошь, ну не лей ты ей винищу!» Я Ольге прямо условие поставила: «Коли бабка жрать винищу будеть, я, как Коля Евгенич не выдержал, уеду к сестре! И поживу перед смертию хуть маленько!» Ну, я пошла, а то у мене тама каша прееть! Бабка придеть, смотри, не надрызгалась чтоб она у тебе тута!

3

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

Милая, я вам не нужна? Только скажите прямо. Мне не надо это, знаете... Спасибо, милая... Как себя чувствую? Замечательно! Я себя всю жизнь замечательно чувствую! И терпеть не могу разговоры о здоровье! Что такое головные боли? Распущенность! Полная распущенность! В здоровом теле — здоровый дух! И, естественно, наоборот! Я была всю жизнь подтянутой! Мне распускать себя было совершенно недопустимо! Творогу? Спасибо, милая. Я совсем не голодна. Если только чуть-чуть! Меня няня с утра покормила. Такая она у нас славная! Правда, немного нервная. Но ведь на ней весь дом! И главное, чтобы Оленьке была возможность заниматься! А вам животик, милая, убрать надо! У меня в ваши годы прекрасная еще фигура была! Но я балетом занималась и в Швейцарии инструктором работала. Что это у вас? Болгарское? Оленька мне всегда наливает на ночь: «Тетя Вера! Может, уснешь получше!» А я до утра лежу. И все вспоминаю, вспоминаю... Детские годы... Наш сад... Елка в гостиной... Гостинцы... Рафинад... твердый такой кусковой сахар... Нужны были щипчики... Война... Раненые... Голод... Ну не смешно ли — кусковой сахар — и все прошлое перед глазами! Такие странные ассоциации! И вот еще мой дорогой Hibiscus — моя китайская роза! Все-то, все перевидела и знает! Всю мою жизнь! Реакция на малейшие перемены в настроениях! Тончайшие нюансы чувств! Вдруг опустит веточки! Лепестки роняет. Родная! Все предчувствует. Задрожит, так что страшно сделается. Оленька ведь у нас слабенькая. Вся в мать. Полина умерла при родах. Милая, у вас нет сахару кусочками? Простите! Спасибо, милая! Спасибо, хорошая! Володя любил Полину безумно! Спасибо, милая! Замечательно! Остался верен ей все годы! Полина была совсем молоденькая. Красавица. Он увидел ее и тут же оставил Екатерину Николаевну! Прожили они всего несколько месяцев. Екатерина Николаевна все простила ему, но Володя... Спасибо, милая... Прекрасный творог! И больше всего меня

Реквием

Фаэтонщик

Люблю свободный рисунок, резкий контур. «Похожесть» меня не волнует, больше я ценю силу выразительности. Говорить о своих картинах — дело рискованное. Перечислять достоинства — скажут о нескромности, критиковать — зачем тогда показываешь! Объяснять, что ты хотел сказать, что изображено или почему такой цвет!.. Как можно объяснить цвет, который возникает так же таинственно, как возникает любовь... Рождение замысла — словно рождение ребенка... Это необъяснимо. Да, картины мои яркие, красочные, наверное, потому, что такое у меня мироощущение; но есть в моей палитре и черный цвет: последнее время «строю» живопись на контрастах, может быть, это тоже от жизни, что нас окружает сегодня. Казалось бы, пройдя все испытания, сомнения, трудности, в сорок лет можно быть довольным своей счастливо сложившейся судьбой художника. Но именно сегодня мне кажется, что я еще дальше от цели, от совершенства. Думаю, именно этот «путь к совершенству» и есть искусство. Но он бесконечен, как караван жизни.

Ашраф ГЕЙБАТОВ

Агрессия

Мугам

мучит, что не нужна я уже никому. Пользы от меня никакой! Только вот детям — почитать. Это важно. Очень. И лучше бы я умерла, а Володя остался жить! Он Оленьке был нужнее!.. Оленька — копия Полины! Две капли воды! Что? Все на столе? Что это вы, милая? Вы меня просто оскорбляете! Какая шоколадка? Никакой шоколадки тут не было! Не естественнее ли спросить у собственного ребенка?! Я просто ищу будильник! Который час? Меня няня ждет к обеду в точное время! Какие дикие подозрения! Я совершенно не голодна! Просто беспокоюсь за зуб! Кажется, он начинает шататься, и щека припухла! Мне от вас совершенно ничего не нужно! И можете не прятать от меня бутылку! Мне дики такие подозрения! Я не смогу к вам больше заходить! Невообразимо! Я прожила честно всю свою долгую жизнь! А сколько я пыталась наладить отношения между Екатериной Николаевной и братом! Но любовь к Полине была ненормальная! Безумная! Не переставал писать ей послания! Вся эта безумная поэзия! Дикая некрофилия! Невообразимо! Мне пора! Задержалась я! Что? А на что вам сердиться! Скажите на милость! Ну хорошо! Если будет настроение. А сейчас мне пора. Скоро Наташеньку приведут. Милая такая девочка! Умница! И Мария Петровна очень хорошая няня. И особенно добрая, как пригубит красненького. Я Оленьке так и подсказываю, чтобы она Марию Петровну угощала почаще! Можно и с утра, знаете, для тонуса! Ведь для настроения, если только чуть-чуть... Милая! Любите Оленьку! Помогите ей, когда меня не будет! Чувствую, мне уже пора. Задержалась я... Вот! Звонок! Это верно — за мной... Спасибо, милая... Милая вы, милая...

4

ОЛЬГА

Ирочка! Я на минутку. Так беспокоюсь! Нет! До сих пор! Ничего! Ни строчки! Что-то случилось! Это я виновата. Это же я за Николая Евгеньевича вышла! Алеша меня так любил! Только все просил дождаться, чтобы мама его согласилась! И надо было... Не знаю... Всю жизнь жду!.. А все вокруг злорадствовали: «При такой разнице — это же временное счастье! Одумайся!» Все высчитали — сколько мне будет лет через столько-то лет, когда Алеше будет столько-то лет, и сколько будет бед и какой будет ответ! Расписали даже — как умирать буду! Счастливчики бессмертные! А тут вдруг Николай Евгеньевич с розами! И мамочке его я поверила! Шаль она мне связала, знаешь, с розами. И все вокруг: «Прекрасная пара!» А тетя Вера день и ночь над душой стояла — что именно для Алеши я должна за Николая Евгеньевича пойти! Алешеньку спасти! Роз после свадьбы, Ирочка, уже не было! У всех так? Нет! Неправда! У меня с Алешей будут! Я всем докажу! Алеша меня сразу после свадьбы простил! И мама его меня простила! Не смейся! Они так рады теперь, что Николай Евгеньевич ушел! А я его и удерживать не стала. Алеша детей так любит! Что ты на меня смотришь? Да! Это все тетя Вера виновата! Всю жизнь мне разбила! И мне и папе! Никого к нему не подпускала! А меня, наоборот, выдавала все, только вот Алеша ей не подходил: «Оленька! Как задрожал мой Гибискус!» Ну я же знаю — как произносится! Я же ботаник! Г — произносится. Перестань смеяться! Чай сядем пить: «Алешенька! Д е т к а! Передайте сахар! Будьте любезны!» И тут же: «Оленька! Ты обратила внимание, как веточки всегда к Николаю Евгеньевичу тянутся?» А я с Алешей счастлива, как на свете не бывает! И все боюсь расплаты — такой же мерой! За счастье давно дрожу!

5

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Ирочка! Да что же ето у нас делается?! Господи Ты Боже мой! Да когда же етому конец будеть?! Угроблюсь я у их тута! Коля Евгенич приезжал. Ольга как взрадовалась! Наталью с Федем ведеть и за красненьким побегла! И ржеть, и ржеть с им цельный вечер, как кобыла какая! И бабке наливають. А та сатанеет! Уж я и так и едак бутылку норовлю забрать. И Ольгу в бок. И стала бабку спроваживать в ее-то комнату. А та упирается и усе к винишщу тянется. И Коля Евгенич мене говорить: «Ничего! Марея Петровна! И вы с нами тоже посидите, а то я пойтить собираюся!» И так с Ольгою одне и не осталися! И как Коля Евгенич ушел, Ольга в голос! И напустилася на бабку! И вопить! И гребень об ее сломала, чтобы та жизню ей дала наладить! И я их разымаю. А у бабки кулак какой тяжелый! Она же в фисхультуре была! И знаешь, иде у мене здоровью нету — туды норовить — по вопухолям! Во! Пощупай! У мене тута вопухоль какая! Под грудью! Щупай! Щупай! Не бойси! Во-во — прямо здеся! И тута — на голове — шишак какой. А Ольга ореть! «Ольга! — кричу. А их не перекричишь никак! — Ты же детев побудишь! Ето ведь Федя проснется, подрыгается, а голосу не подасть! А с девчонкой мы усю ночь промаимси!» Ведь девка у их — уся в бабку! Хуть и маленькая — а вредна! И усех-то сех перекорежить! Артистка! А от соседев стыд какой! Разве ето стенки?! И глядь — тут девка-то и взъерошилась! Вижжить! И мамочка родная ей вина несеть! А нехорошо ето — сызмальства к винишщу привучать! А девка вкус уже признала. Так каждый вечер и крутится возля бутылки! Будто ей конпот какой али питье от кашелю! И вот смолкла, Ольга взялаcи! И бабкину веревку ищеть. Я смотрю: «Ольга! Не удумывай, чего не следуеть! Ты ету дурь из голове брось! Хватить с нас бабули!» А она вопить: «Не хочу жить больше! Не могууууу!» И норовить из квартеры выскочить. А я дверю на ключ сразу посли Коли Евгенича заперла. Я уж их проделки знаю. Изучила. «И зачем они мене родилиииии!» — ореть и головой об пол убивается. «Ну кто же тебе, Оленька, услышить, окромя Господа?! Ну нету тута никого! Ни мами твоей-то, ни папи! Чего ты так надрываешьси?!» А бабка у комату свою убралаcи и сидить тама, не вылазить. И Ольге-то я говорю: «Ну Ольга! Ну ты сирота! Кому ты орешь-то? Ты и мать сама! Пожалей своих крошек! Они у тебе тоже на свет Божий не просилися! Не делай их такими несчастными, как сама-то ты есть!» А она ореть, захлебывается! Схватила я тута икону, кричу: «А ну! Ставай на колены — молися! Вы усе книжки читаете — много грамотные! А молитвы какой порядком не знаете! Стой,— кричу,— рядом со мной на коленах и повторяй: «Богородица Дева! Радуйси! Благодатная Марея! Господь с Тобой! Благословенна Ты в женах...» И у мене святой водицы припасено. Я на ее брыжжу и велю ей повторять. И так она стихла и спать кувырнулася. И спить, спить без просыпу — цельное утро не слыхать. Я и Наталью с Федем в сад свела. И бабку накормила. И старая опять захрапела. Ухондакались обеи. Лежать, дрыхнуть. А мене не жизня, Ирочка, с ними! А как же она мене по шишке вчерась приложила! А чем бы нам, Ирочка, не жить по-хорошему?! Мужуков нету! Одне! Сами хозяйки! Нет! Не могеть без мужуков прожить! И усе с маменьками находить! Ведь вот есть на свете сыновьи какеи порядочныя! Коля Евгенич прынцессе своей каждое утро свежий кефир доставляеть! А мой Петр? Разве ему мать нужна?! Он четвертую приводить! И такая на сей раз хабальная попаласи! Людмила! Ету не выгонишь! Ездава! Полна пазуха грудей и водку уместе с им хлыщеть! И намедни заявилси: «Мама! Дай пятерочку до получки дотянуть!» А я ему: «Ты же, Петя, со своею шалавой винишщу хлыщешь! Нету у мене денег на такуя-то делу! Не дам!» А я деньги усе к сестре свожу. И мы тама от Ивана подале держим. Зашибаеть у нас Иван. Усе пропьеть! А племяльник у мене до чего справный! Ни капли в рот не береть. На повара хочет итить. Тока девки ему какой порядочной не попадется. Таперичи девки-то какеи пошли! Хабалки! Вот намедни в метре еду. Сидить девка. Ноги так-то вота растопырила и уся срамота наружу. И мушшины рядом отвернулися — не глядять. Подошла я к ей, сплюнула на пол: «Тьфу! — говорю.— На тебе, бесстыдница, платок и прикрой свою розетку!» И усе как заржуть! А она сидить — морда хабальная и не скраснелася! И вота ты, Ирочка! Ну на что тебе такуя юпочку носить? В ей и наклониться к чему нельзя! Всю срамоту видать! И Ольга наша — туда же! Я ей говорю: «Ольга! Ты не девочка какая незамужняя! Ты мать двух детев! Что ты, как коза какая, сигаешь?!» Да ты мене вином-то не пои, а то расстроюся тока больше... О! Хорошее!.. Видать дорогое! Ольга у нас усе такое-то береть, как Коля Евгенич является!.. О! У голову ударило! И у ноги! Ну вота — напоила, а у мене тама черед за яйцами занят! Яйца-то нонче не враз возьмешь!

6

ОЛЬГА

Ира! Открой! Скорее! Алеша вернулся! Я сегодня опоздала. Выскакиваю с автобуса, на ходу чулки застегиваю — вхожу — Алеша! И все улыбаются! Слышу — поздравляют. Алеша на меня смотрит, а у него все глаза — белые! И фотографии летают. И меня поздравлять начали. Со сборником — моя статья прямо перед Алешиной! Помнишь, я ему помогала? Ему математика не дается. И Алешу все поздравляют. Мне фотокарточка одна в руки влетела... я люблю, когда математические методы применяют... А у нее зубы, Ирочка, как семечки от дыни! И Таня улыбается! И я улыбаюсь: «Спасибо... большое...» Поздравляют — прямо при мне!.. Я к двери пошла... и Таня мне в спину: «Наконец вся эта жуткая история кончилась!» Еле до уборной дошла... Слышу — стучит кто-то — нервно так! И затылок — боль такая! И тошнит! Хорошо, что затылком!.. Что-то я еще хотела сказать... Не помню...

7

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

Милая? Я вам не помешаю? Милая вы, хорошая... Спасибо... Вы, конечно, уже в курсе дела, Алеша женился. Оленька страшно шокирована! Это естественно! Но все к лучшему! Я не сторонница того взгляда, что все, что ни делается,— к лучшему! Это глубокий самообман! Но в нашем конкретном случае — к лучшему! Оленька этого еще понять не может. Но время — лучший целитель! Я всю жизнь обращалась только к нему. Терпеть не могу врачей! Особенно педиатров. Очень глупые люди. Помню, у нас на фронте был медбрат. Дотронется до пульса, посмотрит язык — и тут же диагноз! А врач никогда ни черта не знал! О! Простите! Черное слово выскочило! Предпочитаю не упоминать! Особенно к вечеру! Все-таки у Оленьки не проходило это чувство вины перед Алешей. А теперь они квиты. Все приведено в баланс! Говорят, очень удачно женился! Прекрасная молодая женщина! Из хорошей семьи. И мама, безусловно, довольна! Вы же мать сама! Постарайтесь

подумать объективно! Сколько бессонных ночей она должна была провести! Обошла всех врачей! А теперь она моментально поправится. Позитивная эмоция — основа выздоровления! Танечка у них бывает! Я прошу ее воздерживаться при Оленьке от рассказов. Не надо. Пусть зарубцуются раны. Самое главное теперь — когда появились такие прекрасные шансы — наладить отношения с Николаем Евгеньевичем! Подумайте, каким абсурдом был бы их развод! Я ничего не говорю. Алеша — прекрасный молодой человек! Но сколько зла прошло через него! Он послужил инструментом. Орудием зла. Глубоко ошибочная связь. И для Оленьки, и для самого Алеши. Когда они вместе — они приносят друг другу только несчастье. Это все изначально было совершенно очевидно. Я не говорю о возрасте. Бывают очень счастливые браки — когда вы счастья совсем не ждете! Но в нашем случае! Посмотрите на Оленькину руку! Хотя вы, наверное, не понимаете. Нет ни одной линии, которая соединила бы ее с Алешей! Для счастья нужно очень много факторов! И скорее иррациональных, чем рациональных! В нашем случае основные факторы отсутствуют. Все — наперекор судьбе! Прекрасно — вся эта жуткая история кончилась! А мой Гибискус! Моя дорогая роза! Умница! Не приняла Алешу с первого взгляда! Оленька ничего не хотела слушать! Полная потеря контроля над своими чувствами! Безумная страсть! Вся в отца! Повторение той же роковой ошибки! Володя мог быть так счастлив с Екатериной Николаевной! Бунтарство духа! Вернее, духовное непослушание! Но меня считают за выжившую из ума женщину и поступают наоборот! А в результате — катастрофа! Алеша сказал, что поменяет место работы. Жест порядочный. Но какой в этом смысл? Оленьке так и так уходить надо. Полностью сменить, оздоровить обстановку! Никаких ассоциаций, бередящих рану! Щадящий режим. Взять немедленно отпуск, уехать в Прибалтику, где они провели медовый месяц с Николаем Евгеньевичем. Танечка сказала, что Алеша был на Черном. Прийти в себя, успокоиться, правильно себя настроить и поговорить с Николаем Евгеньевичем. Постарайтесь внушить это Оленьке. Мне лучше не заикаться. Ни-ни! Даже няня пользуется бóльшим авторитетом! Ну что же, простые люди бывают мудрые. Знаете — народная мудрость! Дети? Мудрее взрослых? О да! Это было, если память мне не изменяет, у романтиков! О животных знаю только по кошкам, которых, признаться, не могу терпеть! И боюсь не цвета, а скорее — глаз! Но взгляд их всегда выдерживаю! А вот что касается растений — возьмите, к примеру, мой Гибискус! Я бы вам могла рассказывать часами! Но, милая, в другой раз! Меня няня ждет к обеду в точное время! Так что постарайтесь подействовать и на няню! Единственное, в чем Оленька меня послушалась в жизни, это занятие ботаникой! И теперь, если с Оленькой все наладится, я смогу умереть спокойно! Мне уже пора, милая, пора! О! Не надо меня в этом разубеждать! Смерть — это фактор жизни!

8

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Господи! Бабки нету? Ну вот слухай! Говори, что делать! Сегодня с утра думаю: «Ето усе он! Враг! Сила нечистая!» И к Господу: «Отче наш!..» — усе молитву прочитала и просю: «Господи! Услыши Ты нас, Господи! Прости Ты нас, грешных! Будем усе по-хорошему!» И к бабке: «Бабка! Милая! Ты дышишь? Дыши, бабка! Дыши! Я тебе кашу сварила. Иди на кухоню! Усе на столе горячее. Жри, тока не устраивай свои проделки! Дай же и людям воздохнуть!» А она лежить — ну есть ведьма! И зуб торчить! Глазы таращить. И усе через цвет етот, розу ету ее китайскую! И названия-то какая пахабная — что стыд произнесть. Петя с Людмилою завсегда ржуть, как бабка ету названию произносить. Ето же не цвет, как порядком у людей! Ну — горшочек аккуратенький. Ты его поливаешь как полагается быть. А ведь ета цельная дерева! И, тварь она едакая, заливаеть ее водой! И по всей квартере текётъ. И топчется она по водище етой, по полкам рыщеть. Я говорю: «Ты, бабка, чего? Под себе, что ли, ходить зачала? Водища всюду поналитая! Напрудила стока — океан цельный, озеру какуя! А вытирать мене приходится! Ты чего тама у Ольги у бумагах роешься?!» И чего она тама роется? Я боюсь — переворошить она усе! А ведь ето труд-то какой! Ольге за ето пензию надбавлють! Я никогда никакого маленького листочку не выкину. Усе Ольге у ящик у столе у письменном сложу, скажу: «Оля! Проверь, не важная ли какая бумажка валяется! И запирай ты комнату на ключ. Ну спортить она тебе усю делу! Ведь в ей вреду-то скока! На какеи проделки тока не изгаляется!» А и правдать, Ирочка, вот намедни Ольга чулки свои обыскалася, что Коля Евгенич с заграницы привез. Цвет такой малинный и лохмотьями седыми. И тута девка с третьего етажу, знаешь, бесстыжая такая, звонится: «Ольга Владимирна! Извините! Не могете вы мене чулочки, что тетя ваша носить, продать за любыя деньги? Ей ведь усе равно, а ето — ну самая такая мода!» И морду кривить так-то! На месте не постоить! Тьфу! А наша дура с простиной: «Ой! Что вы! Как я могу продавать?! Вы их возьмите, пожалуйста! Они мене ненужные!» А я ей: «Не дам,— говорю,— за так отдать! А щас бабку вызовем и платите деньгами!» Ето что! Вот намедни смотрю — Наталья сидить — шар надуваеть. «Ето что у тебя за мечик,— говорю,— такой? Грязь усякую, заразу у рот суешь? А ну брось!» — «Ето мене бабуууууля!» — гундосить. Так что ты думаешь?! Господи! Ето стыд произнесть, чего она притащила, девушка наша! Не понимаешь? Что же ето — замужняя женщина и не знаешь — как у положению не попасть?! А вот то-то и оно! Чего закатилася? Ето такеи у вас бумаги, навука по ящикам валяется?! Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай! Остановися, живот надорвешь! Бабы во дворе так-то вота ржали! Ну не старая карга?! Игрушки Наталье! Тьфу! Ну весь мусор, усякую дрянь, иде шмонаеть, обереть! Со всех домов без разбору тащить. Полны карманы! У ей соображенья тока насчет одной жратвы осталося! И вот Ольге-то я говорю: «Оля! Милая! Послухай ты мене, дуру старую! Снесите цвет етот у детской сад! Пущай тама ребяты вкруг его прыгають! Али договориться с дилехтором — в магазин его определить! Он весь свет с окна загораживаеть, и сыплется с его всякая дрянь!» А бабка как ощетинится: «Цветок етот мене, Марея Петровна, дороже всего на свете!» — «Да знаю, что он тебе дороже Ольги и детев! Ты же егоиска, каких свет не видал! Лучше бы ты за своим ухажером убралаcи, чем жизню свою за ради Ольги положила! Лучше б не клала ты ее, жизню ету свою! И не сгноила бы Ольгину! Какая ты ей мать?! Ты егоиска, а не мать!» А Ольга взялаcи, чуть что, вопить: «Оставьте мене в спокое! Нервы мои не выдерьживають! Ааааа!» — «Да ты на мене так-то не вскидывайси! — говорю.— Я момент соберуся! А что психуешь ты не через мене, а что Алешка к тебе больше не ходить! Вот чего ты психуешь! И говорила я тебе не раз: «Усе мужуки — кобели и сволочи! И им тока одно нужно, а не твои дитеноки! И ты через их, кобелев, сгинешь! И выкидайте етот цвет отседова! И чтобы светло у вас тута было!» И как же у мене с ними, Ирочка, усе вопухоли разболелись! Как у сестре нахожуся — ни-

чего не болить. А сюды — стоить порог переступить! И Петр мене говорить: «Во мать! До чего ты дожила! И денег-то своих нету! Усе к тетке свозишь — месту себе купляешь! Они тока за деньги тебе и пустять! Приходи к нам с Людмилой! В тыщу раз тебе лучше будеть!» Ето они к денюшкам моим подбираются! «Нееeет! — говорю.— Мене не объегорите! Пущай лучше в сарае сгниють!» Ну как же! Она обереть Петра и к другому метнется, Людмила ета! Вот таких дураков, как мой Петр, и облапошивають! А ему что? Он себе новую приведеть! Спасибо ишо, алиментами не обзавелси! А я через его замуж не шла! У мене, как немец Михаила сгубил, никого не было! Я его, сволоча, растила одна безо всякой помощи! А потом у мене хороший мужик подыскалси, а я ему так и сказала: «Не подходи близко и к дому дорогу забудь! Ты маму дитеноку папку не заменишь!» И мене самое немец чуть не убил, что Михаил в партизаны ушел! Да Господь не дал Петра в сиротах оставить! Такая-то жизнь страшенная! Как зачнешь усе вспоминать — глаз не сомкнешь, усе у голову лезеть, лежишь до утру, в потолок глазы пялишь! Ну ладноть, пошла я, а то у мене тама лапша сбежить!

9

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

Милая! Простите — в такой поздний час! Пожалуйста! Одевайтесь! Накиньте платок! Вы знаете, какая это была для всех, кроме Оленьки, радость, когда он женился! Вполне разделяю чувства его матери! Так нет! Заявился! Какая непорядочность! Я ему глазами даю понять: «Уходите немедленно!» Не уходит! И вдруг ему плохо стало! Какая распущенность! Нашел место! Я ему глазами даю понять: «Возьмите себя в руки и оставьте территорию этого дома навсегда!» Но он уже не в состоянии ничего воспринять! Какое неблагоразумие — с больным сердцем — прийти в дом — выяснять такие болезненные отношения! Сначала довести до предела женщину — а затем заявиться, чтобы довести до предела себя самого! Пришлось вызывать неотложку! И она рвется с ним!.. Не забудьте ключи! Я тихо!.. И мы не смогли ее с няней удержать! Поймала такси. Сейчас вернулась из больницы — рыдает! Разрешение только близким! Теперь никак не можем с ней справиться! Надо оборвать в ее сознании эту связь! Хирургическим путем! В смысле — оперативным! Простите за медицинскую терминологию! Это осталось с войны. Вы бы видели, что творится с моей розой! Вся сплошь покрылась цветами! Это очень плохой знак! Такое бывает только перед концом! Ветви дрожат! Надо срочно оборвать эту связь! Через нее идут слишком много страданий! Нехороший это знак!. Я тихо... Когда жизнь — это просто страдание, это еще можно перенести! Но когда страдание непереносимое — я даже не знаю, как это охарактеризовать! У Николая Евгеньевича был прекрасный рецепт! Слегка ударить по щеке! Иногда достаточно было раза — замолкала моментально! Но я не могу себе этого позволить! Почему вы раздеваетесь? Это же ей помочь! Только слегка! Остановить ее! Няня брызжет из своего пузырька — святая вода — какая отсталость! Я никого не бужу! Дети ничего не слышат! Как это — наши привыкли?! Знаете, как сказал один исследователь — не помню — какого полюса — то ли Северного, то ли Южного: «К холоду привыкнуть нельзя!» Боже! Посмотрите на мои руки! Что случилось! Дрожат! Такого со мной никогда не было!

10

ОЛЬГА

Ира! Ира! Открой! Тетя Вера упала! И мы не смогли ее с Марией Петровной поднять! Только что неотложка уехала. И речь отнялась. Только глазами смотрит! Пойдем со мной. Я боюсь. А Алеша сказал, что на развод подает. Нет! И Алеша тоже. И Николай Евгеньевич, и Алеша. Таня ничего не знает. Это ей так хочется, чтобы он там остался! В том-то и дело — и Алеша, и Николай Евгеньевич! И мы теперь пожениться сможем! Нет! Алешу не выписали. Но я же не могу к нему — меня не пускают! А ее пускают! А зато она нелюбимая!.. Подожди! Мы же не можем... Тетя Вера упала! Аааа! Это она намеренно! Когда... Подожди! Что я такое говорю? Глупости! Это оттого, что не спала все это время. До утра, Ирочка, лежу... и все думается... думается...

11

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Ирочка! Поди-ка, подсоби нам бабку поднять — тряпки сменить! Никак одни не управимся! Жрала-то скока усю жизнь! А таперичи ни крохи не могёть, ни капли какой принять. Усе назад идеть. Жалко глядеть — как мучится! Прожила усю жизню без болестев. Усе похвалялася, что голова у ей ни разу не кружилася. А тут раз — и хлопнулась. И прибрал бы ее Господь! Скока она так валяться будеть! А на Пасоху как хорошо помирать! Прямо в рай — говорять! Да она ишо и девушка! Она тама в розах гулять с анделами будеть! Анделы-то небось девушек любять! А я Ольге помощница плохая становлюся. Сестра мене говорить: «Марея! Ну хватить тебе такою великомученицей быть! Усе в людях да в людях! Поживи хуть маленько перед смертию! У тебе деньги накоплены. Али тебе у нас не место? Иван тебе стесняться будеть — пить бросить!» — «Как же,— говорю,— постесняется он мене! Девица какая красная!» А что мене туды, Ирочка, итить? Он тверёзый усе равно не будеть! Нипочем не поверю! Уж скока раз так клялси! И каждый день ругань! А к Петру — к прости-господи Людмиле етой — шибко она об себе понимаеть! А морда — ну есть лахудра! Они с мене усе деньги вытянуть и на вулицу выкинуть! И не приведи вот так, как бабка, иде валяться! Наша ишо щастливая! — у своей комнате, и мы пред ей на цыпочках пляшем! А Ольге я что? Чужая! Ето хорошо: «Няня! Няня!» — пока я в силах! А случися что — кому я нужна?! Вот бабка уберется — и мене лучше катиться отседова! Може, Ольга какого подходящего себе найдеть! Ей надоть постарше! Вдового! Чтобы жизню понимал! Жалел ее! И в перву очередь к детям чтоб человек был! Ну что ей Алешка етот?! В больницу сковырнулси! Такой молодой и уже с сердцем! За им таперичи за самим, как за ребеноком, уход нужон! Во как бабы-то его угвоздали! Давай! Одевайси живеече! И как они разом-то хлопнулись! И Алешка! И бабка! Не мой ли черед — за ними? Как сглазил кто! Ольга усе черного глазу боится! И тебе тоже — а что ж ты думаешь? Смотри — каки чернушие. А Ольга усе похваляется — какеи у ей небесныя! А у Коли Евгенича — ну есть васильки! А у бабки — кошачии! Ну давай! Чего замешкалась? Нерасторопная какая становишьси! Ето наша дела — старческая — на ногах не стоять! Дохтурша моя говорить: «Вы, бабушка, совсем больная сделались у нянечках! Вам такая напряжения не подходить!» А как же мене

Ольгу бросить?! Ведь еле ковыряется! И стонеть, и стонеть. Тихонько так, жалобно. А то и вовсе смолкнеть. Под шалю скрючится так-то вота. Подойдешь к ей: «Ольга. Ты жива ли тута?» А она лежить — глаза заведены — ну слышу — еле — а дышеть. Скажешь: «Оля! Детка ты милая! Никакого Алеши тута нету! Шалю-то тебе Коля Евгенич дарил, ето он тебе обнимаеть!» А она шепчеть: «Неееет... Алеша... Здеся он... И мене любить... А про Колю Евгенича — как не было! Так они и завсегда поврозь-то спали! Какая ето замужества?! И я ей говорю: «Что же ты дитеноков забросила? Мнимания не обращаешь? И бабка помираеть! Нам же не до етого! Выбрось ты мужуков из голове хуть на ету самую времю! Вот останешься одна. Дитеноки в школу пойдуть. Глядь, какой подходящий тебе и найдется! Тока за такого иди, чтоб маменьки не было!» Ну оделаси? Пошли, телёма! А то бабуля тама плаваеть. Ведь ни есть, ни пьеть — и откеда тока берется?

12

ОЛЬГА

Ирочка! Я на минутку! Посоветоваться. Разбираю у себя сейчас, все подряд выкидываю — не глядя! Вдруг — глаз упал — статья, что мы с Алешей не закончили. Как ты думаешь, поговорить мне с ним? Пусть опубликует! А имя мое не надо ставить. Какие там амбиции! Разве в этом смысл жизни?! В чем? Алеша все знает! Только математика ему не дается. А эта статья поднимает его репутацию как ученого. Всю математическую часть я уже сделала. У нас все недоразумения из-за математики получились. Я была очень требовательной. А можно было без всяких математических методов. Знаешь, в библиотеку поеду. Почему поздно? Алеша там, я знаю. Ему же надо куда-то от нее. Надену шаль, наберусь воздуху и в зал! Нет — это Алешина! Это Алешина мама мне связала! Ну мне-то лучше знать — кто мне что подарил! Алеша, как шаль увидит, сразу поймет. Это же символ нашей любви! И тетя Вера так рада, что я в этой шали! Мы теперь с ней только глазами общаемся. Лежит и показывает, как она довольна. Она так поправится быстрее. «Позитивная эмоция — основа выздоровления»,— ее же слова. И мы с Алешей будем вместе. И у нас будет свадьба. Я всех приглашу! И пусть они меня поздравляют. Садисты! И первую приглашу Таню! Нет — тебя! Нет — Николая Евгеньевича! Мы с ним теперь такие друзья, хорошие! Ой! Нет! Наверное, тетя Вера не поправится. Роза ее совсем увяла. Я боюсь — это очень плохой знак. Нет, мы поливаем. Ой! Я побегу. Меня Алеша ждет. А то и правда — будет поздно и уже некогда. Я приглашу — только одних добрых!

13

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Ну Ирочка! Преставилась наша Вера Александровна! На самое-то Пасоху! Я говорю: «Господи! Услыши Ты нас, Господи! Забери Ты бабку! Пущай она у Тебе в рае гуляеть! Ослобони Ольгу!» И бабка тута как рот разинеть! И глазами как зыркнеть! «Бабка! — говорю.— Тебе чего? Водички, что ли, милая, влить? Бедная ты наша!» А она как захрипить — и преставилась! И Царствие ей Небесное! Хорошо ето — Ольга спала! Я ее и кликнуть не поспела. А то б она совсем ума лишилася! Усе боялася смотреть, как бабка помирать будеть! Ну Вера Александровна! Летай таперичи по раю! Никто тебе боле ругать не станеть! Никому ты тама мешаться не будешь! Отмучилася ты, бабуля! А ведь хитрая какая! На самое-то Пасоху да ишо и девушкой! Вона бабы у сестре у деревне — как сойдутся — усе об мужуков брешуть, что стыдно слухать! Какеи они проделки проделывають! Одна женщина, хорошая, вдовая, никогда мушина не требовалси, у сорок лет вдруг потребовалси! А она по мужукам бегать не могёть — шибко верущая! И два года так страдала, и батюшке на исповеди призналаси, и молиласи сильно, чтоб оставил ее враг! И вдруг раз — и оставил! И слава Тебе, Господи! Дошли молитвы! Ето что! Вота у сестре тоже у деревне один старик помирал и зоветь свою старуху. «Груша! — кличеть.— Помираю! Положи,— хрипить,— Груша, родная, руку скореече на...» — и произносить — вот сюды прямо. Ну вота — закатиласи! Правду говорю. «Подержи,— шепчеть,— Груша, родная, напоследок...» И положила ему Груша руку так-то вота, и он как залился слезьми! «Не отпускай, Груша...» — хорошо ето так, чисто произносить. Дернулси и помер. А Груша усе по ему плакала. Хуть и страдала от его и по женским болела из етого, что так усю жизню по плоти мучил ее, а человек был хороший, сам от такой природи мучилси. А и правдать — старый хрыч — как окочурилси — и смех, и грех! Вот так наслухаешьси и к батюшке на исповедь подойдешь и не знаешь, чего сказать-то! А батюшка у нас красивый такой, молодой! «Ну что, раба Божия? Какеи тама у тебе грехи? Давай, выкладывай живеече! А то народу-то — смотри скока!» А я ему: «Какеи же у мене грехи, отец Георгий? У мене тока болести да слезы! И сирот помогаю воспитывать через силу! Разве ето у их отец? И мать — вот-вот — и скопытится! И бабка какая вредная!» — «Ну, бабушка, може, болтаешь чего лишнего с подругами своими по двору али бабусю вашу забижаешь?» — «Да бываеть иногда,— говорю,— понерьвничаем уместе! Ето ведь жизня! Ето у кажного у семье такое случается! И у тебе, небось, у самого не усе-то гладко бываеть!» И он у нас хороший такой, батюшка-то, и скажеть: «И то верно, бабушка! Усе мы люди грешные! Вот и прощать друг дружке должны! Не носить у сердца злобы! Помирать усе будем и предстанем тама — как кого забижали!» А я и скажу: «Вот и за мене Петька — ой! — как ищо ответить, что негде матери и помереть, получается!» И сходишь как-то вот в церкву! И так хорошо, легко на душе станется! И хочу ишо Ольге подсобить, пока силы дозволяють. Ну тока прошу ее: «Ну Ольга! Отошла твоя Вера Александровна! Нету ее на етим свете! Ето тока покойник лежить, а Вера Александровна спешить в рай! У ей тама розы будуть получше етих! И выкидай ты етот цвет отседова — дереву ету сухуя!» А она как заореть: «Оставьте цветок в покое! Тетя Вера завещала цветок беречь!» — «Да его ни в детской сад,— говорю,— ни в магазин таперичи не примуть! А тока на помойку!» Весь, Ирочка, свял и высох, пока бабуля помирала. «И не бери,— говорю,— ты в голову, что Алешка с тобой тута в обнимку сидить! Не сидить он тута, а лежить в больнице! И есть у его жана, и она ему хозяйкою! И он как поправится — ублажать ее будет! И Колю Евгенича не жди! Свекровья твоя ишо и тебе, дуру, переживеть!» Ведь как же она, Ирочка, за здоровьем своим следить, свекровья-то! Усю кушанью на весах весить! Ну ладноть, пошла я, а то тама бабуля обидится! По-хорошему усе сделать надоть — проводить бабулю у последний путь как полагается быть!

14

ОЛЬГА

Ира! Ира! Открой! Скорее! Роза расцвела! И все ветви поднялись! Ожили! Прямо на девятый день! Ну и что ж, что поливали! Мы все время поливали. А она сникла, как тетя Вера упала, и стояла — совсем без жизни. А тут вдруг раз — и прямо на девятый день — ожила! Какой знак хороший, Ирочка! Тетя Вера в раю будет! И мне так хорошо стало! И я сижу около розы... и Алеша со мной...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Ирочка! Твой дома? Нету? Ну слухай. Тока у нас усе порядком пошло, Ольга получшала, шалю скинула, об Алешке — как не было, напьется с утра кофею и в бумагах роется, так что думаю: «Ну слава Тебе, Господи! За ум взяласи и так помаленьку на работу ходить наладить!» Как вдруг батюшка у нас заявились! Алексей! Ольга говорить — у вас познакомилась! Не знаешь? Ну и я ей: «Не ври,— говорю,— Ольга! Откеда у их батюшки?!» Они явреи. Не нравится мене, Ирочка, что ето он к Ольге повадился. И опять — молоко на губах не обсохло! Как же ей, взрослой женщине, не совестно! Уходять у комнату, затворяются и усе говорять, говорять и говорять. «Рай! — слышу.— Любовь!» Чтой-то она голову ему морочить? Нехорошо ето как! Могла бы и у церкву доехать. «Не могу,— говорить,— у церкви заметють — с работи выгонють!» Не знаю. У нашей церкви, у сестре, полно молодежи, усе с бородами, с порфелями, и никто не боится! «Нет,— говорю,— Оля! Тебе с работи безо всякой церквы само собой выгонють, что ты на ее ходить забросила!» И что ето за работа такая, Ирочка,— ходить на ее не надоть, а деньги такеи плотють?! Ну раз булетень взяла, ну два! Как же на ето начальства смотрють? — «Я,— говорить,— Марея Петровна, вопыты на дому проделываю. И цвет етот, что вам тaка мешаеть, для навуки много пользы даеть! И не надоть вам об етим беспокоиться!» А как батюшка за дверь, красавица под цвет и поеть. Зачинаеть тихонько, а потома громше, громше! «Ольга! — говорю.— Ето такеи ты вопыты проделываешь? Ведь ночь уже! Люди добрые усе спять! И соседев, и детев — усех перебудишь!» А она как заржеть! Ну что ето за хабальная такая делается! Блажить, что Алешка ето у ей был, про любовь докладал! «Да ето, може, и Алешка,— говорю,— да не тот! Ето другой,— говорю,— Алешка-то! Батюшка ето! Отец Алексей! И ты ету дурь из голове брось!» И ты, Ирочка, отца етого самого упреди — пущай у церквы ее примаеть и тама советы даеть, а по квартерам к женшинам одиноким нечего шататься! Нехорошо ето! Люди усе примечають! Ну ладноть, пошла я, а то у нас тама в тувалете бочок текёть! Девка платьи куклам стираеть. Игрушку нашла! Не отгонишь! Усе платьи куклины спустила, тувалет засорить! И сказать нельзя! Тут же мамочка родная заореть. «Не хочу, чтобы дети у ругани росли! Пушай играеть, если ей така ндравится!» Ой и тяжело ей с девкой придется!

2

ОЛЬГА

Ирочка! Я на минутку. Я Алешу видела! Боже! Как он одет! Такой позор! Дорогой, дорогой костюм! Тебе все смех! Я даже подумала, что спутала опять. А потом смотрю — нет! Он! И ее видела! Красивая! Очень! И мама!.. Мне идти нужно. Наташеньку покормить. Марии Петровне все хуже и хуже. Руки трясутся. Даже тарелку на стол нормально поставить не может. Все на девочку опрокидывает. Недавно суп пролила. Все ручки ей обожгла. Так трудно становится! Если б только она одна! А то они уже все переселились. И Петр, и Людмила, и товарищи! Стройматериалы развозят — а в моем доме — перекур! Попробуй — водки не поставь! Мария Петровна обидится — не так принимаю. А вечерами крик — то не разрешай, се не разрешай: «Не балуй! Детев надоть в строгости растить! Чтоб сызмальства понимали — что такое: нельзя!» А они меня и так целый день не видят! Ты думаешь, ее у сестры в деревне правда ждут, чтоб она у них жила? Что ты! Мне это ее сестра каждый раз объясняет, почему Марии Петровне у меня лучше! Скажи Марии Петровне, чтобы она соглашалась к ним переехать! Посмотришь? А как мне ей сказать? Только бы не обидеть! Не могу я больше!.. Приходи, Ирочка, если сможешь, попозже!

3

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Ирочка! Неладное с Ольгою творится! Батюшка ваш пропал. Гляжу, наша опять захандрила. «Ольга! — говорю.— Что ето ты петь перестала? То кажную ночь консервы развела — и тиливизира не надоть! А тута, нá тебе — опять нос повесила!» Ну давай-давай повторю — по складам: кон-сер-вы — кон-сер-ты! А то думаешь — не знаю! Нарочно посмешить тебе, хохотушку! Ето давно, помню, было. Бабы бегуть. «Марея! — кличуть.— Беги! Скорея! У красном уголку консервы давать будуть!» Оказалося — артисты из кеятров приехали! Вот тебе и консервы! Ох! Ежели бы я грамотная была, я бы далеко пошла! Я бы щас у няньках не сидела, а иде-нибудь в райсобесе! А ты говоришь! Ну ладноть! Погоди! Слухай! Повадилася кулёма наша кудый-то! Кажный вечер гоняеть и назад на такси прикатываеть. «Ольга! — говорю.— Ольга! Ето скока ты денег просвистишь так-то!» И рыдаеть, до самого утру! «Ольга! — говорю.— Ну ведь ето стыд-то какой! Ну себе ты не жалеешь! Ну нас ты не жалеешь! Ну пожалей хуть соседев! Им-то, бедным, за что такое? Они на работу кажный день не спавши ездють! Ето ты у нас вольная такая, хошь — идешь на работу, хошь — нет! А у людей усе порядком! Что же ты конфузишь себе так-то?! Соседи на тебе пальцем показывають!» И знаешь, проговорилася она мне! Вон оно что оказывается! Под окны к Алешке гоняеть! Ну ни стыду, ни совести! «Ето у тебе,— говорю,— чести своей нетути! Как же ты дозволяешь себе глядеть, как они целуются-милуются?! Что ето ты себе так растравляешь?! Ты же совсем голову потеряешь! У тебе дети малые!» Говорить, усе арбузы едять по вечерам! Садятся втроем — с мамочкой в канпании. Молодая — маленькая, щупленькая, и подержаться, видать, не за что! Ну Алешка чересчур у Ольги разожрался! Вота у его сердце и не выдержала! Жрать поменьше надоть! А Ольга наша за мужуков — усе положить! Окромя сваво дерева! «Ольга! — говорю.— Петя с Людмилою

квартеру новую получили. Просторная! Давай им дереву на новоселью свезем! Подкатить Петя с напарником грузовик, и свезем! И так у нас хорошо, слободно станется! И голова у тебе ослобонится! Бабуля уже и так в рае! А Пете с Людмилой так твоя дерева ндравится!» — «Нет! — говорить.— Возьмите, чего хотите, хуть любую мебель, бокалы какеи, а ета дерева мене очень дорогая!» И вота опять взяласи строчить чегой-то. Так что ты думаешь? Призналася: Алешке — письмы! «Ольга! — говорю,— Ольга! Оставь мальчишку в спокое! Ты его загубишь!» Вот парень тоже бедный! Қ такой бабе в руки попалси — она ему спокою не дасть и себе загубить! Да ишо и матерю его раньше времени в гроб загонить! А что ты думаешь? Ну, пошла я, а то тама девка дом подожгеть!

4

ОЛЬГА

Ирочка! Я на минутку. Мне Наташеньку спать положить. Я посоветоваться. Насчет рая! Верочка вчера приходила. Говорит: «Позавчера была к раю готова, а вчера опять нет!» А почему — не сказала. «Тебе,— говорит,— слушать про такие вещи не надо! Ты очень целомудренная!» Вот как вы все надо мной смеетесь! А потом мы с ней про рай говорили. На этот раз не сад был — а лес! Верочка говорит, что были случаи, когда собаки самоубийством кончали — от разлуки с хозяином... А я говорю: «Понимаю... очень...» И пусть в раю снег тоже будет — иногда... А лыжню пусть ангел проложит... И память о прошлом тихая. Верочка говорит, что чем меньше времени и пространства — тем больше любви! Перестань! Это в метафизическом смысле!.. И просить ничего ни у кого не надо! Просьба все равно с отказом связана! Когда не то просишь? Может быть... Наверное... И чтобы красиво было, но только чтоб роскоши не было! Мы Алешу в костюме новом на крышу посадим! Ха-ха-ха! Красиво! Как у Шелли! Ш-е-л-л-и — А-л-е-ш-а! Это Верочка так пошутила!.. А Любовь ведь от Нищеты родилась! Пусть будет почти пусто! Великая Пустота! Шуньята! Алеша этим очень интересовался. И Мария Петровна все время просит, чтобы просторно было, свободно!.. И музыку слушать! Алеша в пять лет уже Моцарта играл!.. Верочка говорит, что если придем в рай, то очень удивимся, что встретим там всех, кого не ждали! Все друг другу очень удивятся! А вдруг, кого ждали, не увидим?! Ужас!.. И зло из ерунды лезет, что ты даже не подозреваешь! Из стула, например! Как у Марии Петровны — в деревне. Стоял себе предмет, никого не трогал, вдруг — в крюк превратился! «Трагичен или комичен умело смастеренный стул?» Откуда это? Неважно. Ты этого писателя, Ирочка, все равно не знаешь... И пустота! Только другая. Оставленность такая — в смысле предательства! И дикая сухость во рту... И я так обрадовалась, что Верочка опять появилась. Я за нее очень беспокоилась! А смотри — вытянула! Уж такая тоже история жуткая! Может, и я вытяну. Мне иногда так страшно делается! По ночам — особенно! Господи! Только бы справиться!

5

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Ирочка! Бяда! Ольга на ночь домой не вернулася! Как ето — ну и что? Под утро Алешка прикатил — губы трясутся! «Нету,— говорю,— твоей Ольги! Доигралися! Долюбилися друг дружку! Так никто,— говорю,— не женится! Стока ты к женшине ходил! На моих глазах усе было! Собралси жаниться, нашел женшину какую подходящую — скажи прямо! Сказал! Как ты сказал?! Ольга через тебе день и ночь убивается!» Решилси, говорить, в милицию итить сообщать. Приезжають ето они вчерася к вечеру на дачу, а в дверях записка торчить, и шаля ета, что Коля Евгенич дарил, знаешь, цветочками такими, бабка усе таскала, на кусту болтается. И усе ето при жане происходить. И в записке пишеть: «Прощай! Позаботьси об детях!» А при чем тут Алешка, когда они усе у Колю Евгенича — глазы васильковыя! И бабы во дворе говорять: «Не похожи они на Алешку! Вылитые — Коля Евгенич!» Вот тебе и мать! У ей чувства к детям никогда никакого не было! Она их и не кормила! У ей груди совсем не работали. Мы с бабулей ей детев и выходили. Как ето, одну я подставляла, а другая — бабуля? Я Петю до году кормила! А Ольга что? Тока, бываloче, чмокнеть их на ночь и сластушкими завалить! Господи! У ей у глазах давно чернота! И замыслила она нехорошее чтой-то! Ну и что, что бабуля усю жизнь замышляла? Ольга — не бабуля! Та хитрая была и егоиска! Кошка живучая! А вреду! Она и матерю Ольгину на тот свет спровадила! И Ольгиному отцу усю жизню спортила! Как к ему какая женшина заявиться, так бабка голову у петлю суеть и хрипить. Так он, бедный, и прожил без женшины какой хорошей, с сестрицей родной! И вот смотри — отошла уже вроде бы, и Царствие тебе, бабуся, Небесное! Так нет! Усе равно на Ольгу действуеть — под цветом ей про рай докладаеть, умуразуму вучить. Ну что ето такое делается! Неужели ей и тама укороту не дадуть! Оно нехорошо об покойниках плохо говорить — ты, бабуля, тама не обижайси! Тяжелая ты, бабуля, была! Ну и мы не без греху! А Ольга за сердце ето схватится и по полу рыщет чегой-то! Бабы во дворе говорять: «Свезть ее у Кащенку, и усе тута!» Так ведь тама совсем заморють, что и на человека непохожа станеть! «Нет! — говорю.— Перетерпим! С ей, главное, добром надоть!» И к черту, Ирочка, дереву ету выкинуть, угнать куды подале — в учреждение какую сдать, чтоб и духу бабкинова не было! Глядишь, и отойдеть Ольга наша, и получ-шаеть. Ну что же ето — ее и пожалеть некому! Вот так-то скажешь: «Господи! Пожалей ее, Господи! Сироту несчастную! Ну что ето страдаеть она так-то!»

6

ОЛЬГА

Ирочка! Я на минутку! Волновались? К чему такая паника?! Нет. Я предупреждала. Много раз. И в последний раз сказала: «Меня не ждите!» А почему я не могу куда-нибудь поехать? Одной побыть?! Не могла я уже так больше. И сон потеряла. И с головой плохо. А у воды мне хорошо. Я у воды успокаиваюсь. И Черное море люблю. Особенно в это время. Посидела там на камушках. Тихо так. Поплакала. И как-то по-другому все увиделось. Тетя Вера во многом права. Алеша хороший, только... Видишь — и на ладони нет ни одной линии... Надо контролировать свои чувства, это правда... Я справлюсь — вот увидишь!

7

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Ирочка! Ну как ты думаешь? Заявилася красавица наша! Уже знаешь? Видала, довольная какая, цветушая? Нагружевалася! И тут же с порогу — про батюшку Алексея — ходить ли к вам. Во какуя кеятру розыграла! Консервы! Настоящие консервы! А ты говоришь! А знаешь,

иде ее черт носил? Призналася тебе? На морю Черную катала! Усю ету времю! «Оля! — говорю.— Оля! Как же тебе не совестно! Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй! Тебе у пруде у Алешки на даче стока времени вылавливали, а ты тама задницу свою на солнце греешь да ищо с кобелем каким проклятушим! Ето на такеи проделки ты булетени берешь?! Ах ты бессовестная едакая! Дитеноков совсем забросила! Тебе твоя задница, выходить, дороже! Скока мы тута слез пролили! Страху натерпелись! Чего тебе отец Алексей?! Жаних, что ли, какой?! Он батюшка! Духовный человек! Ты что врага под левою грудью тешишь?!» — «Тока он один мене спастить можеть!» — «Ты бы лучше,— кричу,— ребятам штанишки хуть раз застирала — вота бы тебе спасения была! Лучше бы тебе в больницу к Алешке допускали, посмотрела бы, как люди страдають! Ты бы,— кричу,— дитенокам книжку почитала!» Бабуля приучила их кажный вечер книжки слухать. Они без етого спать не лягуть. А я же неграмотная! «Наташенька! — так-то вота скажешь.— Ягодка ты моя душистая! Давай, скажу тебе сказочку про золот-стаканчик али про мальчика-с-пальчика!» — «Не хочу,— ореть,— больше про твой стаканчик! Давай другуя!» — «А ето,— говорю,— проси мамочку свою родную! Ето вы,— говорю,— много грамотные, а мы чего знаем, того знаем!» И девка настырная — уся у бабку! Накормить порядком не дасть. Я Ольге говорю: «Не сажай ее у хорошем за стол! Усе удрызгаеть! И посуду хорошую, чашки не давай! Перебьеть!» «Наташенька,— говорю.— Старайся, деточка, усе делать аккуратенько! Ето что ж такое получается? У нас у деревне и то так не кушали, а вы — люди культурные!» И знаешь, чего удумала? Ну и хитра! Как щи учуеть, извернется, да ловко ето по тарелке — и вопить: «Ааааа! Няня суп пролилаааа! Пальчик мене обожгла! Аааа!» Во какая! Ну ладноть! Бог с ими! Отыскалася кулема наша, и слава Тебе, Господи! Одно жалею — надоть было дереву за ету времю выкинуть! А я забоялаcи. Думаю, пока дерева стоить, Ольга найдется. Во дура старая! Она бы хватилася: «Иде дерева?» — «Выкинули — коли ты у пруде болтыхаешьси! Она без тебе тута никому не нужная! На ей и роз давно никаких нетути! Выдумляешь тока!» А Коля Евгенич розы носил, как сватались! А Алешка — ромашки! Ета правдать! Что было — то было! С пустыми руками никогда не являлси! Ну, я пошла, а то Петя с Людмилою сулились приехать — усе алкогольные напитки выжрут! Надо пойтить прибрать!

8

ОЛЬГА

Ирочка! Я на минутку... Смысл жизни!.. После кладбища? Тут тебе и сад и лес. При чем тут райсобес? Ирочка! Я теперь точно знаю — есть жизнь после смерти! Дай мне твои рисунки! Прости, я, наверное, раньше не понимала! Думала, что это она все кладбище рисует, а сама смеется! Нет! Дай! Пожалуйста! Достань! Я тебя очень прошу. Мне это очень важно. Спасибо. Вот! Этот! Как раз! Я про него сегодня вдруг подумала. Подари мне! Я повешу... Точно! И мы с тетей Верой теперь так разговариваем! Я ее все время чувствую. Как она мне помогает! И за меня просит! Врачи? Пусть называют как угодно! Что они, врачи твои, знают?! Я теперь умереть совсем не боюсь! Нет, нет. Не в том смысле! Вы за меня больше не бойтесь! Теперь все хорошо. А на кладбище я успокаиваюсь. Поплачу, и все по-другому как-то осмысливается.

9

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Ну Ирочка! Ездили мы с Ольгою на кладбищу к бабуле. Одне молодыя вокруг! И лежить бабуля наша уся у молодой канпании! Усе веселыше! А рядом — совсем мальчишечка! Ну есть анделеночек! Во хитрюшая какая! И тута устроилась! А кругом уже могил, могил. До лесу! Мруть люди как мухи! Иде тама бабулю отыскать! Заблудиться тока. И прошлися мы с Ольгою по кладбищу. «Давай,— говорю,— Оля, посмотрим, кто ж мреть-то?» Ну одна молодежь, Ирочка! Одна молодежь! «Оля! — говорю.— Давай, може, какого старичка ей подыщем, Вере Александровной нашей!» И глядь — могилка неподалеку. Ряда два от ее. Позаросла — одна полынья. «Оля! — говорю.— Давай могилку выполем и кустик какой ему, деревцу посодим! Може, розочку какуя китайскуя? Что же ето, он, бедный, и будеть лежать — одиноко так, горько?! Никто не вспомянеть!» А она вылупилась так-то: «Не трожьте, мол, мою дереву!» Ну, поехала к сестре. Выпросила вишневый куст у их. Маленькуя такуя деревцу дали! И свезем ее с Ольгою, посодим старичку. Птички клевать ягодки будут — помянуть человека! А то что же ето? Вот так и просю сестру. Петра-то маво бесполезно. На черта я ему нужна. «Время,— говорю,— вам на кладбищу ходить не будеть, не до етого! Одно просю — посадите мене вот такуя тоже вишену! И будуть поминать мене пташки Божии!» И наша — ну при ей ничего сказать нельзя! «И мене,— говорить,— Марея Петровна, миленькая, очень вас просю, посадите деревцу цветушую!» Ну не дура? Совсем помешалаcи! «Как же тебе,— говорю,— Оля, не совестно мысли такеи до себе допускать?! Ты ишо молодая! Тебе жить да жить да детей растить! Вот подымишь их на ноги и лягай тогда с деревой етой своей сухой в обнимоку, что на ей роз никаких давно нетути! Выдумляешь тока: «Нет... Здеся он... И мене любить... И розы...» Ну, пошла я, а то тама Коля Евгенич один с Ольгой сидить!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Ирочка! Бяда! Приехал Петя с напарником. Васятку помнишь? Кухоню Ольге красил! И Людмила прикатила — полку Ольге ставить! Работница какая! Никуды Петра одного не пускаеть. «Петя! — говорю.— Вы сначала матерьял внесите, сколотите полку, а потом Ольга угостить вас!» — «Ты что, мать, смеешьси, что ли?! И Василий так работать нипочем не станеть!» Расселися так ето хабально! А наша отказать не могеть. Напилися. И Людмила — ну ни стыду, ни совести, пьяная на Петю при усех лезеть и ржеть: «Мене аборт сделать — как к зубному сходить!» Нашла чем выбражать! А я ей завсегда говорю: «Людмила, Людмила! Ты предохранялася бы лучше! Ты же себе так усю здоровью спортишь!» — «Предохранялась?! Ха-ха-ха! — гогочеть.— Ето вы, мама, вкусу не понимаете! За то мене мужуки и любять!» Ну и баба! Обольеть — заморозить! И Ольга наша туды же! Посадили ее меж собой, и Васятка так ето об ее трется! Господи помилуй! А наша дура гогочеть не хужей Людмилы! «Тьфу! — кричу.— Петя! Держи его! Здеся дети малые, не говоря об взрослых! А ну! Беритеся за делу!» А тока за голову хватаюся: «Какая ето полка получится, когда они на ногах не стоять?!» Схватили они пилу. Петя держить — Васятка пилить. А мой дурак не накобелится никак! Одной рукой матерьял придерживаеть, а

другой Людмилу ловить, лапаеть! «Э! Как моя Людмила восьмерки пишеть!» А ето она задницей так-то вота виляеть! Тьфу! «Петя! — кричу.— Криво идеть! Косо! Щас тебе Васька руку отхватить! И книжки усе попадають! Держаться не стануть! Весь матерьял спортите! Ето денег стоить!» А им что? Не из сваво карману! «Ничего, мать! Усе на месте будеть!» Тяп-ляп! Наколотили и опять винищу рыщуть! А наша дура у магазин норовить! «Ольга! — кричу.— Не страмися по двору! Ты на ногах не стоишь!» А она ето выбивается! Сильная сделалась! «Они тебе,— кричу,— весь дом разнесуть! До утра озорничать стануть! И не садися с ими! Не твоя ета канпания!» И опять пили, ржали. А наша непривыкшая и свалилася, заснула. А етот черт окаянный, напарник, совсем сдурел. «Иде,— ореть,— дерева, что выкинуть надоть? Подавай ету дереву сюды!» — «Мы,— кричу,— уже без тебе ее выкинули? Не ходи по комнатам! Ты не у себе дома распоряжаешьси! Ты в гостях у культурных людей! Веди себе потише!» А он сделалси — ну есть зверь! Антихрист! У бабкину комнату! «Петя! — кричу.— Держи его! Не пущай по квартере! Он каких делов напроказить!» А он уже за кадушку — откеда тока сила взяласи! Надулси как бык разъяренный! «Ну! — думаю.— Лопнеть — и туды ему дорога!» Куды тама! Гогочуть! Выкатили кадушку, мене с ног чуть не сшибли, вскочили на грузовик и укатили пьяные! «Господи! — думаю.— Загремять ведь! И людей невинных угроблють! Господи!» И заплакала я. «Ну усе! — думаю.— Щас Ольга очухается, и что тута из етой деревы зачнется!» Вот проходить, не помню, скока время, смотрю — выползаеть и за стенки так-то вота держится. Обмерла я. Жду. «Господи! За что же ты мене так наказуешь?!» А она ето серая сделалася и на кухоню, жалобно так скрючилася и воды набираеть. «Ты,— говорю,— Оля, чего? Чайку, что ли, попить собраласи?» — «Нееет! Розу полить надоть!» — «Розу?» — говорю. «Дааа... А то она стоить как-то плохо. Вянуть зачала!» — «Ааааа! — говорю.— Вянуть!» Подходим к месту, иде дерева стояла, и зачинаеть она воду лить прямо на пол! «Оля! — так-то вота шепчу ей.— Оля!» И ничего сказать не могу, плачу. И к Пресвятой Богородице — усю молитву прочитала... и прошу: «Услыши Ты нас, грешных! Пожалей сироту несчастную! Помоги ей!» И к Ольге: «Оля! Детка ты моя милая! Чего ето ты делаешь? Нету тута цвету тваво никакого, забрали его черти ети проклятые, паразиты ети!» А она жалобно ето так скосилася и слезы глотаеть. И стоить, и воду льеть, и льеть... «Нееет! — шепчеть.— Здеся он... И мене любить... И розы...»

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: **9.** «Бородино». **11.** «Романтик». **12.** Саржа. **13.** Веретено. **14.** Фиолетов. **15.** Линза. **16.** Кибитка. **17.** Россини. **18.** Ясень. **21.** Фасад. **26.** Оникс, **28.** Суриков. **29.** Доцент. **30** Руднев. **31.** Ракетка. **32.** Дрофа. **35.** Расин. **39.** Ровно, **42.** Цвингер. **43.** Свирель. **44.** Буран. **46.** Эстафета. **47.** Адресант. **48.** Столб. **49.** Лисициан. **50.** Аномалия.

По вертикали: **1.** Полемика. **2.** Фонетика. **3.** Ливенка. **4.** Посол. **5.** Графа, **6.** Аммофос. **7.** Андерсен. **8.** Питомник. **10.** Гранде. **19.** Сирокко. **20.** Никитин, **22.** «Слово». **23.** Диета. **24.** Астра. **25.** Аврал. **26.** Ордер. **27.** Ивенс. **33.** «Ровесник», **34.** Фантазия. **36.** Аэростат. **37.** Ирландия. **38.** Бенефис. **40.** Вершок. **41.** Швартов, **44.** Басня. **45.** Набат.

С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! ДО ВСТРЕЧИ В НОВОМ, 1991 ГОДУ!